

Николай Энгельградт Граф Феникс Приключения Калиостро в России

Предисловие

Мы хотим ввести вас, почтеннейший читатель, в «подполье» XVIII века, познакомить с тайными обществами, густой сетью опутавшими Европу. Движущей силой этих обществ, связанных клятвами, странными ритуалами, где узнавали друг друга при помощи секретных слов, знаков, рукопожатий, было веянье времени и предчувствие крушения старых форм жизни.

Россия не осталась чуждой этому движению. И здесь работали таинственные строители. Рабство миллионов было фундаментом золотого трона северной Семирамиды. Упоенные роскошью и негой вельможи царицы вместе с ней господствовали над безмолвствующей страной. Но и в их золотой толпе мелькали люди-тени, жившие двойной жизнью, собиравшиеся где-то в «подполье».

Тайные общества и ордена «подполья» составляли люди всех наций, религий, состояний, связанные клятвой хранить тайну и условными знаками. Масонство получило огромное развитие и

распространение в XVIII веке во всей Европе. Масоны внушали смутный страх наиболее сомнительным правительствам. Папа Климент XII предал их орден анафеме, их преследовала инквизиция; их гнали в Неаполе. В 1779 году, когда происходит действие нашего романа, с кафедры собора в Экс-ла-Шапель доминиканец Грейнеман и капуцин Шуф в проповедях называли франкмасонов «предшественниками Антихриста». А Сорбонна от лица священного факультета теологии объявила их «достойными вечных мук».

Но во времена Вольтера и энциклопедистов уже не решались предлагать исцеляться от них материальным огнем, а принцы, правители и аристократы во имя толерантности и просвещения становились во главе ордена. В Германии это был Фридрих Великий, во Франции гроссмейстером ордена еще в 1772 году стал герцог Шартрский, будущий Филипп Эгалите, друг Дантона. В одном из масонских катехизисов говорится, что покровителями масонов были не только «сыновья наших королей». В их списках — имена величайших принцев Европы и прекраснейших гениев мира: Фридрихи, Гельвеции, Вольтеры, Лаланды и т. д. Большинство героев французской революции были масонами: Гара, Камилл, Демулен, Дантон, Петион — члены ложи «Девяти сестер»...

Но особое развитие получили тайные

общества, когда в 1776 году двадцативосьмилетний профессор канонического права Адам Вейсхаупт создал систему «иллюминизма», цель которой была низвергнуть все политическое и гражданское устройство мира и «сделать из рода человеческого, без различия наций, званий, профессий, одну счастливую и добрую семью». Цели «иллюминизма» были близки к масонству, в наставлении которого на вопрос: «Скажи мне, кто такой масон?» — следовал ответ: «Свободный человек, верный законам, брат и друг королей и пастухов, когда они добродетельны». «Cette Societe, — читаем в предисловии катехизиса, — suit la doctrine de la Loi Naturelle»¹.

Доктрина естественного закона, проповедуемая Руссо, вдохновляла и Вейсхаупта, и маркиза де Сен-Мартена. Титулы и происхождение не имели значения в масонстве. «Священное тройное число» — «свобода, равенство и братство» — лежало в основе кабалистики всех этих объединений: масонов, иллюминатов, мартинистов, сведенборгианцев, тамплиеров, ноехитов, розенкрейцеров, а также «эклектических систем» — ветвей странного древа тайны, укоренившегося во

---

¹ «Эти общества — порождение доктрины естественного закона» (фр.).

всех государствах и опоясавшего весь земной шар.

Правда, гонимые отцы иезуиты тоже организовали свое масонство, четыре высшие градуса которого соответствовали четырем разрядам самих членов Иисусова ордена. А Вейсхаупт как воспитанник иезуитов, хотя и горел к ним неугасимой ненавистью, привнес все приемы отцов в свою организацию. Явилась какая-то таинственная, вездесущая администрация, о которой так часто говорят писатели XVIII века. «Братья-исследователи», «проникающие братья» шпионили во всех центрах Европы. При всех дворах, во всех учреждениях имелись «свои люди»; неуловимые доносчики быстро, как по телеграфу, передавали из одного места в другое секреты, выведенные при дворах, в коллегиях, в канцеляриях, в судах, в консисториях. В столицах проживали какие-то таинственные путешественники, их настоящее имя, происхождение и звание, цель их пребывания, источники огромных средств, которыми они располагали, являлось загадкой для всех. То были медики, алхимики, вызыватели духов и мистификаторы.

Эти агенты «подполья» при каждом переезде в новую страну меняли имя, часто распускали слух о своей смерти в старом облике. По всему миру летал таинственный, легендарный феникс, сторая и

вновь возрождаясь. В гуманистические идеи, в политический фанатизм, в восторженный идеализм возрождения, освобождения и преобразования мира и человека вливалась при этом муть шарлатанства, пройдохества, честолюбия, жажды золота и власти.

В числе этих агентов «подполья» XVIII века был и знаменитый Калиостро — непостижимая смесь гения и низости, знаний и невежества, великодушия и пройдохества, авантюрист и миссионер, жрец тайны, алхимик и врач, умеющий читать звездную книгу небес. Калиостро появляется под разными именами в разных странах. В 1779 году он явился в Петербург и прожил здесь около девяти месяцев. Именно этот эпизод и взят темой нашего романа.

В то время в петербургском обществе господствовал фривольный и насмешливый атеизм во вкусе Вольтера. Обряды церкви соблюдались лишь для приличия, «для людей». Императрица-вольтерианка, поклонница и воспитанница методически ясной и поверхностной доктрины энциклопедистов, либералка для Европы, феодалка у себя дома, хитрая и ловкая Екатерина не терпела мистической темноты. Но в Гатчине был «малый двор». Уже из одного духа противоречия все, отвергаемое «большим» двором, имело успех при «малом». Мистицизм и таинственность были в высшей степени близки сложному, странному,

мечтательно-романтическому характеру Павла Петровича.

Письма цесаревича к митрополиту московскому, красноречивому Платону, обычно благословлявшему аристократическим дам, характеризуют Павла Петровича как глубоко религиозного человека, жадно ищущего Бога. Такое душевное состояние делало Павла отзывчивым к тем течениям европейской мысли, что вели к увлечению оккультными знаниями, к духовидению, к общению с иными мирами. Сухой рационализм, безличный, абстрактный Бог философов не отвечали страстным исканиям идеала, кипящих революционных чувств.

Мистицизм особенно развился в Германии. Лафатером и Сведенборгом увлекались все. Возникли бесчисленные мистические ассоциации и оккультические общества. Но дух века превращал их в горнила грядущего европейского переворота. Секта теософов, принявшая средневековое наименование Розы и Креста, в лице Шрепфера, открывшего в 1772 году ложу в Лейпциге, привлекла множество адептов. Идеи розенкрейцеров привил великой ложе Берлина другой апостол, теософ и шарлатан Веллнер. Это странное состояние умов перешло и в Россию. Доктрины теософов проникли из Германии в замки курляндских баронов, где занимались вызыванием

духов, астрологией, химией, магией. Далее мистические учения распространились в Петербурге и Москве. Здесь увлекались мечтаниями Сведенборга.

Еще около 1765 года аристократию Петербурга волновал своими чудесными историями знаменитый адепт магии, составитель гороскопов и вызыватель духов граф де Сен-Жермен. В 1779 году Петербург посетил Месмер и увлек многих туманным учением о мировой жидкости, о цепи живых существ, о токах, концентрируемых сильной волей человека. Только и говорили, что о чудесных исцелениях, совершенных Месмером. Скоро масонские ложи сильно размножились. В 1787 году в России насчитывалось 145 лож, а в Польше — 75. Особенно чувствительным было влияние на русское масонство Сен-Мартена. Книга его «О заблуждении и истине» была переведена, хотя с пропусками во многих местах.

Мечтательный, экзальтированный великий князь Павел Петрович увлекался мистикой. Он любил мистерии, оккультные связи, адептов и книги, проповедовавшие эти идеи. Шведский король был пропитан мистикой и окружен ясновидящими. Его брат, герцог Зюдерманландский, по ночам в пустынных парках совершал таинственные заклинания. Интимным другом Павла Петровича, ведшим с ним сердечную

переписку, был прусский король Фридрих-Вильгельм, всецело преданный теургии и герметическим наукам, и едва ступив на престол, окружил себя магами, духовидцами и теософами. Два авантюриста высшей марки, Веллнер и Бшпофвердер, наставляли наследника Фридриха Великого в «тайнах тайн». Влияние розенкрейцеров и роль престижитаторов в Берлине была огромна. Павел Петрович вел с прусским королем тайную мистическую переписку и, несомненно, находился под сильным влиянием берлинских иллюминатов. Кроме того, Павел Петрович во время заграничного путешествия посетил в Швейцарии Лафатера и потом вел с ним переписку. Что касается Сен-Мартена, то он был весьма близок с августейшим семейством герцогов Вюртемберг-Монтбельяр. Сен-Мартен имел в числе наиболее усердных учеников многих членов высокой знати. Одним из многочисленных русских друзей основателя секты мартинистов, приобретенных им в Лондоне, был Кошелев. Он я представил Сен-Мартена ко двору замка Монтбельяр. Августейшая родительница Марии Федоровны прониклась к нему любовью. Философ, русский вельможа и принцесса завтракали втроем в гроте Этюпа и вели сладостную беседу.

Насколько глубоко было влияние герметизма и теософии на русскую аристократию, видно из

того, что оно продолжалось и в XIX веке, еще в царствование императора Николая Павловича. «Влияние энциклопедистов на двор Екатерины II миновало, уступив место разного рода попыткам, — говорит в своих воспоминаниях граф В. А. Сологуб. — Возникли идеологи, мыслители, искатели социальной правды и даже философского камня, что, впрочем, одно и то же.

С трудом верится, чтобы целое поколение отборных умов могло углубляться не только в изучение халдейской премудрости и формул умозрительной символики, но еще серьезно занималось алхимическими опытами, основанными на меркурии и имеющими целью создать золото.

После тестя моего, графа Михаила Юрьевича Виельгорского... осталось несколько тысяч книг герметического содержания. Большая часть этой драгоценной библиотеки поступила в императорскую публичную библиотеку... Некоторую часть я имел случай отыскать в амбаре курского имения вместе с разными кабалистическими рукописями и частными письмами масонского содержания. Это собрание... указывает на переход герметизма к иллюминизму, к мистицизму, пиетизму, а впоследствии привели к скептицизму, либерализму, гегельянству, коммунизму и нигилизму, уже мечтающему о терроризме. Любопытно было бы проследить, как

каждый новый поток мышления вызывал восторг и казался последним словом отвлеченной мудрости».

Николай Энгельгардт

Часть первая

Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного... Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион; впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный.

А. С. Пушкин. «Пиковая дама»

Глава I. Маркиз Пелегрини и господин Бабю

В первых числах мая-1779 года в седьмом часу утра по Невскому проспекту от старой московской дороги мимо лиговских огородов шел человек, не привлекавший к себе внимания. Тем более, что в столь ранний час некому было проявлять интерес.

Приятное весеннее утро бодрило и веселило. Свежий ветерок тянул со взморья и перебирал

листья старых берез и лип, в два ряда вытянувшись вдоль длиннейшей столичной улицы.

Незнакомец шел под деревьями размеренным, гордым, неспешным шагом. Он был среднего роста, необычайно плечистый, с большой головой на короткой толстой шее, мощные грудь и спина, а также приличное брюшко делали его фигуру квадратной. Ей совсем не соответствовали белые, красивые, аристократические руки. Оливковый отлив бритых щек и большие темные глаза выдавали в нем южанина, скорее итальянца. Лицо также производило противоречивое впечатление. Широкий лоб с сильно развитыми надбровными шишками, выгибающиеся правильными дугами черные брови придавали его верхней части привлекательный благородный вид. Но приплюснутый, как у африканца, нос с большими круглыми ноздрями и маленький, сердечком, рот, окруженный складками жирных щек и двойного подбородка, делали нижнюю часть лица вульгарной. Когда иностранец обращал глаза к небу и солнцу, то созерцательная мечтательности делала их взгляд мягким. Но едва опускал взор к предметам земного горизонта, зрачки его расширились, как у кошки, и в глазах появлялось подозрительное и скаредное выражение.

Незнакомец дошел наконец до Владимирской,

где размещался обжорный ряд, посещаемый преимущественно простым людом. Тут у лотков сидели бабы, предлагая пироги с печенкой, луком, перцем, жареную рыбу, вареное мясо; стояли обмотанные тряпьем медные сосуды со сбитнем, и лихие сбитенщики зазывали виршами неприхотливых потребителей горячего.

Он свернул с проспекта и вошел в простонародную толпу столь естественно, как будто сам принадлежал к ней. Скоро оказался у лотка с масляными, пахучими пирогами. На грубом французском языке, дополняя речь быстрыми, выразительными жестами, иностранец отлично объяснил бабе-пирожнице, столь же замасленной, как и ее товар, что ему требуется, и, видимо, был понят. Баба подала ему огромный пирог и плеснула из горшка горячих щей в плошку. Присев на тумбу, незнакомец принялся с удовольствием угощаться неприхотливой снедью. Насытившись, он вытер рот и засаленные пальцы тонким дорогим платком, заплатил, что требовалось, предложив торговке взять монету из горсти медных, протянутых ей на ладони, затем спокойно выбрался из толпы и двинулся дальше по проспекту. Наконец достиг площадки перед Синим мостом, с гранитными башенками, покрашенными в синюю краску цепями и парапетами деревянных перил. Здесь торговали людьми... Как семьями, так и в розницу, несмотря

на запрещающий указ человеколюбивой императрицы, а также нанимали вольных и отпущенных господами на оброк.

Тут важные управляющие выбирали из толпы подходящих людей как на черные работы, так и выискивая искусных ремесленников, музыкантов, живописцев, танцоров. Покупали девушек, осматривая их с бесцеремонностью истинно восточной. Степной помещик искал годных в актрисы для заводимого им в подражание важным барам Домашнего театра, а может быть, и для своего гарема. Старая барыня в сопровождении ливрейного лакея выбирала мастериц-рукодельниц, кружевниц и белошвеек. Проигравшийся щеголь явился с заспанным малым — отпущенным с ним из дому провинциальным слугою и, поставив его в ряд, делал вид, будто пришел совсем не для продажи человека...

Душераздирающие сцены происходили, когда разлучали супругов или мать с ее детьми, или продавали старуху-бабушку отдельно от внучат...

Незнакомец, казалось, с негодованием наблюдал все происходившее, расхаживая по площадке между оживленными группами покупателей и продавцов живого товара.

Вдруг громкое французское восклицание раздалось за его спиной:

— Господин маркиз! Господин маркиз

Пелегрини! Вас ли я вижу?

Названный маркизом быстро обернулся. Перед ним стоял одетый в ливрейный кафтан с большими гербовыми пуговицами, но при шпаге, невысокий, тощий и носатый человек с двумя крупными бородавками на лбу и на щеке. Он радостно улыбался и потирал руки.

— Господин Бабю! Вот счастливая встреча! — сказал маркиз, широким жестом протягивая руку человеку в кафтане.

Тот вложил в нее свою, и несколько мгновений они стояли, обмениваясь рукопожатиями и многозначительно улыбаясь.

— Давно ли вы пожаловали в Петербург, господин маркиз? — спросил наконец Бабю.

— Не очень, — уклончиво отвечал Пелегрини.

— Не очень! Ха! Но слишком много воды утекло с тех пор, как мы встречались с вами в Париже! — оживленно говорил Бабю. — Колесо фортуны несколько раз оборачивалось для меня то верхом, то низом, и вот я очутился в этой странной столице просвещения и варварства.

— И что же, вы хорошо устроились здесь, господин Бабю?

— Не могу пожаловаться. У меня весьма почетное положение и выгодное место. Я состою главным кондитером при поварнях господина Бецкого. Это один из первейших вельмож

Петербурга и лицо приближенное к императрице, — важно объяснил Бабю.

— Знаю, — кивнул маркиз. — Очень рад, что вы нашли применение своим кулинарным талантам и знаниям. Но помнится, в Париже, когда я встретился с вами, иные намерения вас увлекали, любезнейший мой Бабю! Вы искали возможность заняться философией и стать в ряды благодетелей человечества, работая на преобразование мира по планам высшего искусства.

— Да! Да! Я все это помню, господин маркиз, и былые стремления не угасли в моей груди! О, если бы вы знали, сколь тяготит меня необходимость быть слугою. Но вы знаете, что у меня престарелые родители, братья и сестры. Я добрый сын, добрый отец, добрый муж, добрый друг и добрый гражданин, господин маркиз. И вот, вынужден был отправиться в варварскую Россию, где многие соотечественники, как известно, нажились около расточительных вельмож. Отложив в сторону философию и благотворительность, я занялся кондитерским искусством.

— Впрочем, честное ремесло не может мешать великому делу познания человека, — сказал успокоительно Пелегрини. — Тем более что я слышал о Бецком как о вельможе просвещенном.

— Да, это почтеннейший старец. Он учредитель всех благотворительных заведений и

для девиц и кадетов — академии художеств, воспитательного дома. Но, конечно, скромный кондитер Бабю не может привлечь внимания сего вельможи... Впрочем, здесь много соотечественников среди прислуги богатых домов, и мы учредили свой клуб, где отдыхаем за поучительными беседами и невинными увеселениями. Многие из нас деятельно служат музам. Но сами вы, господин маркиз? Если позволите спросить — с какой целью пожаловали в Петербург?

Пелегрини взял кондитера под руку и важно заговорил:

— Милейший мой господин Бабю! Вы знаете, что лишь высшие цели служения человечеству руководят мною! Взор служителей истины и добродетели, строителей великого храма свободы, равенства и братства обращен на эту несчастную страну, где сгущается мрак невежества, где дикое самовластие опирается на тлетворное рабство. От этих-то неизвестных благодетелей прибыл я сюда с чрезвычайными полномочиями, наставлениями и рекомендациями, чтобы потрясти царство застоя, внести сияние света во тьму, пролить елей на раны страдальцев, объединить людей доброй воли, сокрушить или хотя бы ослабить рабские цепи и преподать самой властительнице поработенных миллионов великие

истины!

— Взгляните, господин Бабю;— продолжал он воодушевленно, — взгляните вокруг! Здесь идет откровенный торг людьми. Спокойно продают и покупают живые человеческие души! Взор меркнет от этого скаредного и преступного зрелища! И такое творится в столице Могущественнейшей монархини, которую прославляют философы века, прельщенные ее золотом и лестью! Пусть бы пожаловал сюда господин Вольтер, который расточал передо мною столько похвал русской государыне во время нашей беседы с ним перед отъездом сюда.

— Вы совершенно правы, господин маркиз, в своем негодовании, — сказал кондитер. — Но все же я посоветовал бы вам быть осторожнее в речах. Вас могут подслушать и донести, — опасливо озираясь, предостерегал он.

— Но кто же понимает здесь французский язык? — возразил маркиз.

— Кто? Да вот хотя бы этот бледный молодой лакей! — указал Бабю на стоявшего в двух шагах бедно одетого юношу. — По выражению его лица видно, что он вас слышал и понял.

— Пусть! То, что я сказал, повторю везде. Заметьте господин Бабю, что меня охраняет некое тайное божество. Земная власть и враги мне не страшны. Имею ужаснейших врагов в ином мире. С

ними борьба труднее. Но и против них вооружен, ибо я — человек. Никакое происхождение не может быть выше этого. Я древнее всякого существа, ибо человек; и существовал до рождение всякого семени, однако явился в мире после их всех. Но тем я был выше всех тех существ, что им надлежало рождаться от отца и матери, а человек не имел матери более того, человек должен был всегда бороться, дабы прекратить беспорядок и привести все к норме, а их дело повиноваться человеку. Но так как сражения были для него опасны, он покрыл себя непроницаемой броней и вооружен копьем.

Произнося все эти непонятные слова с необычайным воодушевлением и важной напыщенностью, Пелегринн обращал взоры свои к небу, а при последних фразах даже несколько раз топнул ногой.

Господин Бабю слушал его с величайшим вниманием и благоговением, хотя едва ли понимал хоть слово.

— Все сие суть иероглифы! — как бы самому себе разъясняя, произнес кондитер, когда маркиз наконец умолк.

Бедно одетый юноша, обративший на себя их внимание, между тем тоже, очевидно, вслушивался в речь Пелегрини, который вдруг повернулся и, шагнув к нему положил на его плечо руку, пронзительно посмотрен прямо в лицо

смутившегося наемника

Глава II. В Итальянских

— Молодой человек, вы понимаете по-французски? — спросил маркиз.

— Понимаю, — смущенно на том же языке отвечал юноша.

— И слышали многое из сказанного мною? — продолжал допрос маркиз.

— Я имею уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, — пожимая плечами, отвечал юноша. — И ваша милость изволили изъясняться столь громко, как будто находитесь среди глухих.

— Эге! Вы, я вижу, умный слуга! Мне такого и надо. Ведь вы пришли сюда наниматься в услужение?

— Ив этом ваша милость не ошиблись. Я вольный человек и даже польский шляхтич. Обучался наукам. Но бедность и необходимость помогать больной сестре заставляют меня искать должность слуги.

— Очень хорошо. А я именно с этой целью явился на сей невольничий рынок, чтобы нанять расторопного молодого человека, который мог бы исполнять разнообразные поручения. Судьба посылает мне вас, любезный Казимир! Ведь вас зовут Казимиром, не правда ли?

— Совершенно верно. Но как ваша милость узнали мое имя? — изумился Казимир.

— Э, любезнейший, я могу прочесть нечто большее, если вы позволите мне коснуться вашей головы!

И, говоря это, маркиз быстро сунул руку под поношенную шляпу Казимира.

— О, я читаю, как в открытой книге! Вы большой честолюбец, любезный Казимир! Ого, вы даже мечтали о духовной карьере... потом о светской... Погодите, что это? Вы хотели быть кардиналом и папой... О, еще выше!.. Вы метили даже на польский престол... Król Poniatowski — kier zaski Boskiey². Чем он лучше вас? Природный шляхтич на крыльях золотой свободы может вознестись до высочайших степеней...

— Боже мой, как ваша милость догадались? — смущенно пробормотал Казимир.

Это были сокровеннейшие думы несчастливца, утешавшегося фантазией в горестях действительности.

— Вы много бедствовали... Покушались даже покончить с собой... Писали стихи... Ага! Безнадежная любовь к недоступной аристократке...

---

² Король Понятовский — Божьей милостью дурак! (польск.).

— Кто вы?.. — высвобождая голову из быстрых пальцев Пелегрини, со страхом вскричал Казимир. — Но ваша милость — пророк!

— Я показал вам ничтожнейшее из моих искусств, любезный, — с важностью сказал Пелегрини. — Кто я, вы скоро узнаете. Я беру вас к себе в услужение. О цене мы стоворимся. Вы не будете обижены. Покамест вот вам задаток, — опуская руку в карман и затем протягивая Казимиру, говорил маркиз.

На ладони Казимира оказалось три блестящих новеньких червонца. Он стал ловить руку маркиза, намереваясь поцеловать ее. Но тот не дал.

— За ничтожную щепотку блестящего праха вы хотите поцеловать мне руку! Что бы вы сделали, если бы я открыл вам дверь в месторождение всех драгоценных металлов, научил спускаться на дно голубых вод, где образуются совершеннейшие перлы?! Но довольно об этом. Отныне вы приобрели господина, а я — слугу.

— Падам до ног панских! — вскричал Казимир. — Вы найдете во мне вернейшего исполнителя всех ваших распоряжений.

— Посмотрим. Пока же расстанемся. А в понедельник утром приходите в Итальянские, отыщете там дом придворного костюмера синьора Горгонзолло, спросите квартиру графини ди Санта-Кроче. Запомните хорошенько. А теперь

прощайте.

Маркиз в сопровождении господина Бабю отошел, провожаемый низкими поклонами нанятого им слуги.

Некоторое время оба безмолвно пробирались между группами торгующихся, наемников и рабов. Выйдя на набережную канала, маркиз стал прощаться с кондитером.

— Очень рад, мой достопочтеннейший господин Бабю, что встретил вас, — сказал он.

— Надеюсь, что еще буду иметь счастье видеть вас, господин маркиз, — отвечал кондитер, — и насладиться вашей ученой и возвышенной беседой.

— Да! Да! Все люди доброй воли должны объединиться. Я еще увижусь с вами, увижусь! — рассеянно говорил маркиз, будто обдумывая какое-то важное дело.

— Могу спросить вас, господин маркиз, где остановились?

— Это излишне. Местонахождение мое временное. Я сам навещу вас, любезнейший Бабю.

— Величайшая честь для меня! Дом Бецкого укажет вам всякий. Спросите меня в службах, и я...

— Хорошо, любезный господин Бабю, хорошо, — торопливо ответил маркиз. — Я найду вас. А теперь пока расстанемся.

С этими словами он кивнул кондитеру и

быстро пошел по направлению к Итальянским.

Эти узкие улицы, застроенные высокими для того времени двух— и трехэтажными каменными домами, содержащимися весьма грязно, хотя и облепленными кариатидами, вазами, балконами и другими архитектурными украшениями, сосредоточивали в себе почти всю итальянскую колонию Петербурга. Певцы, певицы, живописцы, танцоры и танцовщицы, кончая фокусниками и директорами собачьей комедии — все ютились здесь, занимая соответствующие своему положению помещения на разных этажах, в подвалах, на чердаках и задних дворах. В обеденные часы здесь распространялся запах итальянской кухни, обильно сдабриваемой оливковым маслом и луком. Из открытых окон неслись фиоритуры певцов, с балконов — напыщенная декламация классических трагедий. Дома здесь принадлежали солидным коммерсантам-итальянцам. Банкиры, булочники, торговцы надгробными памятниками воздвигли здания, архитектурой чем-то напоминавшие ремесло их владельцев. Незнакомец, нанявший себе у Синего моста слугу, вступал в одну из этих улиц, когда молодой полицейский офицер, стоявший на углу, закивал ему, улыбаясь и подавая рукой знаки. Тот подошел.

— С добрым утром, господин полковник! —

приветствовал его полицейский офицер по-немецки.

— С добрый утром, господин фон Фогель! — отвечал на том же языке названный теперь полковником.

— Однако сколь ранний час выбираете вы, любезнейший доктор, для своих прогулок! — продолжал, приятно улыбаясь, фон Фогель.

— Ранние утренние весенние часы — лучшие для этого. К тому же день мой так занят и принадлежит стольким страждущим, что я не имею иного времени для необходимого моциона.

— Да! Да! Вы совершенно правы, полковник, совершенно правы. Я только что проходил мимо вашего дома.

Двор полон ожидающими вас больными. Хвостом стоят на лестнице и даже на улице.

— Целить страждущее человечество есть мое предназначение, господин фон Фогель, — гордо сказал названный бароном и доктором. — Обладая огромным наследством моих предков, замками и поместьями как в Германии, так и в Испании, будучи во всем обеспечен и к тому же скромностью потребностей на личные нужды избавлен от излишних расходов, всецело предался я безвозмездному врачеванию несчастных.

— Высокий подвиг, полковник! А смею спросить, вы прямо начали службу в испанских

войсках?

— Да, я поступил волонтером. Но само зрелище полей сражений, крови, ран, трупов, госпиталей и весь ужас нашего ремесла заставили меня выйти в отставку и заняться медициной.

— И где же вы проходили обучение, полковник?

— Мой милейший фон Фогель! Я слушал курсы медицины в Саламанке, в Падуе, в Париже. Но курсы эти лишь убедили меня в ничтожестве ученой медицины и презренном шарлатанстве докторов, на трупах думающих изучить живое тело, лечащих внешние проявления болезни, не зная и не понимая архея, владеющего храминой тела человеческого. Познав все, чему учат в университетах и академиях, понял, что не знаю ничего. Мог бы сие невежество прикрыть многими дипломами, докторской мантией и беретом. Я не сделал этого... Разорвал и бросил в огонь шарлатанские знаки мнимого знания, данные мне невеждами, именующими себя мудрейшими докторами. И сам прах отряс я от ног своих, и ушел...

Полковник испанской службы умолк и как бы углубился в размышления.

— Куда же вы ушли, почтеннейший доктор? — с уважением спросил заинтересованный рассказом полицейский чиновник.

— Куда? На Восток. Да! — поднимая голову и обращая глаза к небу, сказал доктор-полковник. — Там, в Медине, провел восемьдесят лет у ног некоего мудрого старца и познал великие тайны, переданные мне с тем, чтобы я повсюду безвозмездно исцелял страждущих. А где их нет? Все человечество стонет в узах рабства. Зло и страдание царят на сей бедной, мрачной планете!

— Восемьдесят лет! Возможно ли это? — с сомнением воскликнул фон Фогель. — На вид вам не дашь более сорока!

— На вид! О, заблудшие странники юдоли плача! На вид! Вы обо всем судите по внешности, потому и судите не далее внешности. Но полно об этом. Не все ли равно, где, когда и во сколько лет приобрел я знания, если помогаю болящим, исцеляю немощных, не взимая никакой платы?

— Совершенная истина. Вы не похожи на других приезжих докторов и врачей, изрядно здесь наживающихся, — сказал полицейский офицер.

— Изрядно наживаются? — живо переспросил полковник испанской службы и безвозмездный врач. — Кто же именно? Скажите. Я отлично знаю всех шарлатанов Европы, выдающих себя за медиков.

При этом глаза его забегали, как мыши. Но лишь на мгновение. Полковник вновь возвел очи

вверх и принял вдохновенную и мечтательную позу.

— Кто именно, хотите вы знать, из иностранцев, лечащих в Петербурге? Да вот хотя бы господин Месмер, уехавший на днях. Можно сказать, двор и вельможи сошли с ума от него, и теперь все только и бредят токами, вдохновениями, влияниями, чанами и живыми цепями, образованными из человеческих тел при их соприкосновении. Господин Месмер собрал здесь обильную жатву и оставил нескольких пламенных последовательниц.

— Так господин Месмер уже уехал! Вы это знаете наверняка? — спросил полковник.

— Как же не знать, если обо всяком, отъезжающем за границу из столицы обязательно трижды публикуется в «Ведомостях».

— Мне это неизвестно. Так господин Месмер уехал! Должен, однако, сказать по совести, что сей муж, хотя и не познал высших тайн великого дела врачевания человечества, которые мне открыты, однако преисполнен многими силами и добродетелями. Но вы упоминали о его последовательницах. Кто они?

— Господин Месмер принят был в Гатчине и, как говорят, фрейлина цесаревны Катерина Ивановна Нелидова прониклась его — учением. А затем и госпожа Ковалинская, супруга

управляющего делами князя Григория Александровича Потемкина, стала погружаться в месмерический сон и в том сне произносить прорицания, подобно древней Сивилле.

— Скажите, господин фон Фогель, кто еще из иностранцев занимается здесь врачеванием?

— А вот хотя бы проживающие на Большой Морской у его сиятельства графа Остермана братья Пелье, французские глазные лекари. Они объявили, что искусство свое ежедневно подтверждают, возвращая зрение множеству слепых.

— Презренные обманщики и шарлатаны! Слепцы, ведущие слепцов и вместе в ров низвергающиеся! А еще кто?

— Из Парижа зубной врач Шоберт лечит зубы от удара воздуха.

— Низкий плут и мошенник!

— Однако он весьма хорошо зарабатывает. Но, конечно, больше всех — наш российский мастер.

— Кто это такой?

— О, простой российский мужичок, даже неграмотный, Ерофеич! Он лечит и простых, и вельмож одинаково удачно эликсиром, который даже получил наименование «Ерофеича». Натирает и внутрь дает...

— Сей простак, может быть, один что-либо знает, — с важной снисходительностью сказал

доктор-полковник. — Истина нередко благоволит открываться смиренным и младенцам. Но скажите, что обо мне говорят в столице?

— Слух о вашем бескорыстии и весьма удачном врачевании разошелся и достиг даже высших кругов. Но это готовит вам неприятности. Многие доктора на вас в претензии и находят недопустимым, чтобы лицо, не имеющее ученой степени, занималось врачеванием. Так что вы напрасно разорвали свои дипломы, полковник!

— Я это знал. Во всех столицах мира жадные невежды преследуют меня! Безвозмездность моя — вот что их возмущает! Книжники эти, взяв ключ к пониманию, и сами не входящие и других не впускающие, готовы побить камнями того, кто лечит даром, нарушая обычаи их гнусной касты! Но это мне не страшно. Я всюду имею невидимых покровителей.

— Из петербургских докторов особенно враждебен вам домашний доктор князя Потемкина. Но я дам вам против него оружие. Мы, полицейские, знаем многое и получаем отовсюду неожиданные сведения. Так об этом докторе рассказывают следующую историю...

Тут полицейский офицер, улыбаясь и краснея от свойственной немцам целомудренной скромности, приблизил губы к уху полковника и что-то стал ему шептать. Полковник вдруг резко и

неприятно засмеялся.

— Каков голубчик, а? — заключил Фогель громко. — Ну, я заговорился с вами. Больные ждут вас, а меня рризывают обязанности службы. Но очень бы хотел навестить вас, полковник, в свободные часы и побеседовать. Я происхожу из бедной, но честной дворянской фамилии в Лифляндии, получил образование, хоть и домашнее, но достаточное. Необходимость заставила меня из полка перейти на полицейскую службу. Но я всегда чувствовал влечение к естествоиспытанию, к химии и медицине. Если бы вы не отказались посвятить меня хоть в начала своего искусства, бросил бы этот мундир и отдался врачеванию.

— Очень рад буду вас видеть у себя, любезный мой фон Фогель, — отвечал покровительственно полковник испанской службы. — Приходите ко мне... — он задумался. — Приходите через четыре дня... — он опять подумал. — Да-да! Когда у нас новолуние? Да, приходите в полночь через четыре дня.

— В полночь? — переспросил офицер.

Но тот уже повернулся и мерным, торжественным шагом пошел по Итальянской.

Глава III. Камердинер Потемкина

В воротах и во дворе дома, где обитал полковник и врач, он же маркиз Пелегрини, действительно толпились люди разного звания, пола и возраста, пораженные самыми разнообразными, но преимущественно хроническими недугами. Все они с нетерпением ожидали возвращения человеколюбивого и бескорыстного доктора, не бравшего уже третий месяц ни копейки ни с бедного, ни с богатого и не отказывавшего никому в советах и лекарствах. В ожидании пациенты пересказывали друг другу случаи чудесных исцелений безнадежных больных, от которых отказались все доктора.

В то время как полковник подходил с одной стороны Улицы к воротам, с другого ее конца подкатил кабриолет, запряженный парой вороных. В нем сидел толстый человек, весьма пестро и роскошно одетый по последней Моде. Правил он сам, но позади кабриолета, между красными огромными колесами и рессорами, в особой сидейке находился негр в ливрее. Появление этого господина произвело сильное впечатление на пациентов, толпившихся у ворот.

— Не здесь ли живет вольнопрактикующий врач, полковник испанской службы, господин Фридрих Гвальдо? — спросил барин из кабриолета, остановив черных буцефалов.

— Врач Гвальдо живет здесь и к вашим

услугам, — сказал подошедший в это время полковник, говора довольно чисто по-русски.

— Вы господин Фридрих Гвальдо, вольнопрактикующий врач? — переспросил толстяк, переходя на испанский язык.

— Именно я, — отвечал на том же языке полковник.

— В таком случае, — сказал барин, освобождая рядом с собой место, достаточное разве что для десятилетнего ребенка, — потрудитесь сесть рядом со мной и ехать!

— Очень хорошо, государь мой, — спокойно отвечал врач. — Но кто вы сами?

— Я? Вы меня не знаете? — надувая губы и щеки, сказал толстяк. — Впрочем, вы иностранец и недавно еще в столице Российской Империи. Я испанский камердинер князя Потемкина. Но при самой особе светлейшего! — многозначительно пояснил испанец.

— Очень хорошо, господин камердинер. Но что же вам от меня нужно?

— Что? — пожал плечами камердинер. — Я уже сказал. Садитесь и едемте со мной.

— Куда и зачем?

— Зачем вам это знать? Разве недостаточно того, что сам светлейший изволил прислать за вами кабриолет с личным камердинером? Что же вы медлите?

— Мне этого недостаточно. Объясните, зачем я понадобился князю?

— Ах, Боже мой! Ведь вы врач. От вас, естественно, и требуют врачевания. Но если хотите знать, то вот в чем дело. Младенец племянницы светлейшего фрейлины Варвары Васильевны, супруги князя Сергея Федоровича Голицына, флигель-адъютанта императрицы, недомогает. Врачи объявили дитя безнадежным. Прослышав о ваших успехах, светлейший послал за вами. Садитесь скорее едемте!

— Вы видите, господин камердинер, — указывая на толпившихся в воротах пациентов, сказал лекарь, — что меня здесь ожидают многие страждущие. Кроме того, отпустив их, имею еще до вечера несколько обязательных визитов на дом к тяжело больным. Итак, передайте князю, что сейчас прибыть к нему никак не могу.

— Эге, почтеннейший! Вы знаете свое ремесло! Но раз вы удостоены чести быть приглашены светлейшим, то оставьте свои уловки. Всякий знает щедрость князя Потемкина. В случае успешного лечения он вас осыпет золотом.

— Эти все, и многие — свидетели, — холодно отвечал Гвальдо, — что я лечу и бедных и богатых совершенно безвозмездно. Земные сокровища для меня — сор и паутина. Если бы я пожелал — неиссякаемые реки золота пролились бы на меня!

Кроме того, имею обыкновение являться к сильным мира сего не иначе, как по личному их зову. Итак, если княгиня Голицына и ее светлейший дядя желают, чтобы я осмотрел их больного ребенка, пусть супруг княгини пожалует ко мне лично и пригласит меня! А засим прощайте, господин камердинер! Не имею времени для беседы с вами!

Говоря это, Гвальдо вошел в ворота дома. Тщетно толстяк взывал к нему:

— Господин Гвальдо! Господин Гвальдо! Пойдите! Погодите!.. Как же так пренебречь таким вельможей!?

Гвальдо вошел во двор, и пациенты толпой повалили за ним.

Камердинер Потемкина произнес несколько испанских ругательств, хлопнул бичом и покатил прочь от дома дерзкого врача.

Глава IV. Графиня ди Санта-Кроче

Едва полковник Фридрих Гвальдо вступил во двор дома, его окружили пациенты, прося о помощи и торопясь рассказать о своих недугах, кажется, на всех языках Европы. Полковник, однако, на немецком языке дал понять, что в этот день приема у него не будет, так как в настоящий момент положение звезд не благоприятствует врачеванию. Ответ был переведен остальным и

выслушан с величайшим благоговением. Врач вежливо поклонился и поспешно скрылся на одной из лестниц, выходящих в узкий сырой колодцеобразный и достаточно зловонный двор итальянского дома. Поднявшись на третий этаж, выше которого был только чердак, господин Гвальдо толкнул ногой дверь и вошел в небольшую переднюю. Из внутренних покоев доносился звон струн и прекрасный женский голос, певший итальянский романс.

Тут господин Гвальдо довольно приятным баритоном сам начал подпевать. С последними строфами куплета распахнул дверь и так, сияя улыбкой, вошел в обширную роскошно убранную коврами, гобеленами, мягкой мебелью комнату.

На диване полулежала женщина в легком распахнутом на груди, смятом кружевном домашнем наряде. Она была не первой молодости, но разительной красоты. Черные кудри рассыпались вокруг классической головки, покоившейся на подушках. Мощные плечи и грудь, лебединая шея — все тело казалось взятым у античной нимфы.

При ближайшем рассмотрении внешность красавицы при ярком утреннем свете обнаружила бы немало изъянов. Ее черные большие глаза были явно утомлены жизнью, полнота начинала переходить пределы совершенства. В руках у нее

была гитара, струны которой перебирали прелестные тонкие пальцы. Одна ножка свисала с дивана, раздвинув легкую одежду, и открывала колено. Золотая туфелька с красным каблукчиком упала на ковер, и можно было любоваться изяществом маленькой ступни.

Галантно войдя в покой, Гвальдо направился прямо к дивану и хотел было привлечь к себе красавицу, но та резким движением отстранилась, и на лице выразился гнев.

— К чему эти нежности, Джузеппе? — сказала она насмешливо по-итальянски. — К чему это пение? Ни к вашему брюху, ни к докторской профессии не идут такие ухватки.

— Будьте снисходительны, дорогая Лоренца! — на том же языке возразил названный Джузеппе, равнодушно отойдя от дивана и садясь в кресло. — Ваше пение пробудило во мне воспоминания былых счастливых дней.

— Вместо воспоминаний я просила бы вас, Джузеппе, заняться делом. Не понимаю, чего мы здесь дожидаемся уже третий месяц. Вы заставляете меня проводить дни в скучном затворничестве. Если бы не мои соотечественницы, которые живут в этом доме и посещают меня, право, умерла бы со скуки!

— Именно соотечественницы для нас и опасны, дорогая Лоренца, — наставительно заметил

Джузеппе. — Они могут собрать сведения о нашем прошлом и распустить невыгодные слухи.

— Итак, вы хотите, чтобы я лица человеческого не видела? — с досадой воскликнула Лоренца.

— Вы видите меня, — смиренно возразил Джузеппе.

Красавица недовольно отвернулась. Последовало молчание. Вдруг Лоренца засмеялась, обнажая жемчужные зубы, и захлопала в ладоши.

— Ах, знаете ли, Джузеппе, с кем я вчера познакомилась?

— С кем?

— С карлицей певицы Габриэлли, что живет в доме напротив вместе с другой артисткой, Давней. Это певицы придворной оперы. Карлица чрезвычайно умная и забавная особа. Она знает весь Петербург, рассказала мне много интересного о покровителе Давии синьоре Безбородко. Это знатный и богатый человек! Карлица уверяла, что при моей наружности и голосе я могла бы обворовать всех. Она сулит мне огромный успех. А между тем по вашей прихоти я даром теряю время, скучая в этой противной комнате, как пленница.

— Еще немножко терпения, дорогая Лоренца, и вы будете вознаграждены! Уже сегодня я получил приглашение от князя Потемкина, но вынужден был уклониться, так как оно было сделано в

небрежной форме.

— Зачем? Зачем уклонился? Я хочу видеть Потемкина! Вот вельможа! — воскликнула Лоренца.

— Потемкин не уйдет от нас. Если раз рыбка клюнула мою наживку, еще не бывало случая, чтобы она сорвалась с крючка. Положись на мой опыт. Но знакомство с карлицей Габриэлли весьма кстати. О Габриэлли я много слышал. Ей покровительствует господин Елагин, главный директор спектаклей и секретарь императрицы.

— Габриэлли — дочь повара, а вхожа во двор и осыпана бриллиантами! Чем я хуже ее? — сказала Лоренца.

— При моем содействии, дорогая, вы займете здесь положение выше любой актрисы, которая является во Дворец с тем лишь, чтобы пропеть арию. Вельможи же обнимаются с нею за кулисами, как с женщиной легкого поведения, и в обществе она не принята. Поприще иное, блистательнейшее предстоит вам. Лишь немного терпения. Однако знакомство с госпожой Габриэлли для весьма ценно, и я сегодня же буду у нее от вашего как графини ди Санта-Кроче.

При этом оба громко захохотали.

Но Лоренца опять приняла недовольный вид.

— Терпение! Терпение! — сказала она. — Вам хорошо проповедовать терпение. Отправив

меня в Петербург сами вы отлично проводили время в Курляндии, ухаживая за этой сентиментальной немкой, сладкие письма которой столь вас занимают.

— Вы напрасно меня упрекаете, Лоренца. Я провел время прескучно в проклятом замке барона Медема. Тощий стол, тяжеловесные баронессы, унылый климат — проклятие! Но я там сделал важные знакомства. Шарлотта фон дер Рекке, урожденная графиня Медем, конечно, не более как сентиментальная дура, но в нашем ремесле такие и нужны. Связи и родство ее огромны. От отца Шарлотты я получил весьма важные рекомендательные письма.

— Прекрасно! Но тогда чего же вы здесь ждете вот уже третий месяц? Имея столько рекомендаций и дипломов, почему вы, Джузеппе, не откроетесь?

— Потому что я должен был собрать все нужные сведения и прощупать почву. А кроме того, здесь был господин Месмер. А мы никогда не начинаем работы в городе, где уже действует кто-то с теми же полномочиями. Теперь господин Месмер отбыл. Я узнал об этом сейчас и на днях выйду из тени. Вам еще много предстоит работы, Лоренца!

— Ах, мне уже надоело работать на вас, Джузеппе! Мне надоело скитаться по Европе из одной столицы в другую! Я утомлена кочеванием и

хотели бы пристать к тихой пристани.

— Вы работаете не на меня, Лоренца, а на великое дело преобразования человечества! — сказал собеседник красавицы. — Вы знаете, что и я имею начальников и выполняю волю пославших меня.

Лоренца пожала плечами и стала перебирать струны гитары.

— Однако нужно одеться! — поднимаясь с кресла, живо заметил Джузеппе и вышел из комнаты. Лоренца посмотрела ему вслед мрачным, полным ненависти взглядом черных очей, потом взяла несколько аккордов и запела.

Глава V. Придворные певицы в домашней обстановке

Джузеппе-Гвальдо-Пелегрини прошел на свою половину, состоявшую из докторского кабинета и весьма деболой приемной комнаты, где обычно дожидались больные. Кроме простых табуретов, в приемной ничего не было. В кабинете стоял пульт с огромной чернильницей и толстой книгой, развернутой на странице, где была изображена человеческая фигура с раскинутыми руками в пятиконечной звезде, окруженной иероглифами, да стеклянный узкий шкаф, куда, как правило, помещают часы, но вместо них там скалил зубы человеческий скелет.

На окнах светились бутылки с разноцветной жидкостью для приготовления лекарства, а на ковре стояло подобие саркофага на ножках с подушками внутри. В этот саркофаг таинственный медик укладывал для осмотра пациентов, что всегда производило сильное впечатление.

В потолке кабинета был люк и винтовая лестница, ведущая на огромный чердак, наполненный «реквизитом» доктора. Куда он и поднялся.

Весь чердак, сумрак которого пыльными струями рассекал свет, проникавший через полукруглые слуховые окна, был забит самыми разнообразными предметами. На веревках висели мантии, восточные одеяния, необыкновенные мундиры, обшитые мишурой, кафтаны, принадлежности женского туалета в античном вкусе. Сундуки и чемоданы были разбросаны по разным углам. Некоторые раскрыты, и в них виднелось оружие удивительной формы, фолианты в пергаменте, узкогорлые и пузатые сосуды, машины, инструменты непонятного назначения. В этом хаосе у одного из слуховых окон помещался туалетный стол с зеркалом, заставленный баночками и склянками с протирающими и снадобьями для гримировки.

Владелец этих сокровищ, скинув плащ и синий «бастрак», подсел к туалету и тщательно

занялся своей особой, смягчая кожу лица различными эссенциями, лоша зубы и ногти, выщипывая волоски, торчавшие из круглых ноздрей готтентотского носа и подправляя брови. Вместе с тем он принимал перед зеркалом разные осанки и придавал лицу выражения вдохновения, благородства, набожности, экстаза, как актер, готовящий роль. Покончив со всем этим, быстро оделся и оказался в великолепнейшем наряде. Оставалось только взять трость с золотым набалдашником. Затем он спустился с чердака и вновь вошел в комнату Лоренцы.

Теперь это был знатный и богатый господин с самыми изысканными манерами. Правда, в его движениях и жестах чувствовалась чрезмерная напыщенность.

— Я иду с визитом к Габриэлли, дорогая, — сказал он с важностью. — Забыл тебе сказать, что нанял сегодня весьма расторопного слугу — поляка из мелких шляхтичей. Он придет завтра утром и спросит графиню да Санта-Кроче. А теперь до свидания.

Перейдя через улицу, Джузеппе легко отыскал квартиру певицы придворной оперы. Они обитали на столь же узкой и грязной лестнице и так же высоко, как и он сам, несмотря на то, что обе получали огромные суммы, не считая драгоценностей, от своих вельможных

покровителей. В сумраке нащупав дверь, гость принялся бесцеремонно стучать в нее кулаком, так как ни звонка, ни молотка не было. Женский голос произнес за дверью несколько итальянских проклятий, и затем дверь распахнулась. Из нее хлынули клубы мокрого пара и чада от подгорелого оливкового масла. В этой тяжелой атмосфере посетитель увидел мощную, с пышной грудью и круглыми бедрами бабу с крупными чертами лица итальянско-еврейского типа. Ее пестрая полосатая юбка была высоко подоткнута и открывала великолепные икры. В руках она держала мочалку, с которой стекала мыльная вода, целое озеро расплылось по полу. В открытые двери виднелась кухня, откуда доносилось шипенье, и валил чад. Не менее мощная и столь же просто одетая стряпуха склонилась там над кастрюлями и сковородами с ложкой в руке.

— Что вам угодно, синьор? — спросила итальянка, мывшая пол.

— Я желал бы видеть, любезная матрона, вашу хозяйку, певицу придворной, ее величества, оперы, госпожу Габриэлли! — отвечал, сторонясь воды и мочалки, нарядный посетитель.

— Это я! — спокойно отвечала босоногая женщина.

— Вы?! Возможно ли, синьора! — воскликнул пораженный гость. — Вы знаменитая певица

Габриэлли?!

— Не прикажете ли спеть вам для доказательства? Да, я — Габриэлли. А вон та, на кухне, моя подруга Давия, — продолжала певица, указывая на пифию среди кастрюль и оливкового чада. — Чему же вы изумляетесь?

Мы заняты хозяйством. Мы все делаем сами и потому всегда веселы и здоровы. Но кто вы, синьор? И что вам угодно?

— Граф Феникс ди Санта-Кроче, синьора! — внушительно произнес гость. — Явился засвидетельствовать свое почтение, принести дань признания вашему несравненному таланту, прославляемому всей Европой, и вместе с тем передать поклон моей супруги, графини Серафимы.

— Ах, моя карлица Грациэлла рассказывала о ней! Грациэллы нет дома. Я послала ее за припасами. Она расхваливала красоту и голос вашей супруги.

— Трудно хвалить в вашем присутствии, синьора, чей-либо голос или внешность! Когда восходит солнце — меркнут крупнейшие звезды. Но я привез вам привет от некоторых друзей из Италии и вот это письмо от принца, утратившего без вас всю радость жизни.

С этими словами граф Феникс достал письмо и помахивал им, не зная, как отдать певице в мокрые ручки послание меланхоличного принца.

— Пройдите сюда, граф! — сказала певица, бросая на пол мочалку. Затем она отерла руки о пеструю юбку и опустила ее, чтобы скрыть мощные ляжки. Граф Феникс осторожно прошел в указанный приемный покой. Здесь певица приняла письмо с короной на печати, небрежно разорвала конверт, пробежала страстные строки августейшего обожателя и равнодушно бросила письмо на доску камина.

— Он надоел мне еще в Милане! — сказала она.

— Бедный принц! Неужели столь разительное в наш безнравственный век постоянство не трогает ваше сердце, синьора? — говорил граф Феникс. — Впрочем, всеобщее обожание, которое вас здесь окружает, восторг двора, вельмож, конечно, сгладили из ваших воспоминаний образ далекого юного поклонника. Дивный ваш голос, мощный гений, пламень духа, обворожительная красота гремят во всей Европе.

Габриэлли совершенно равнодушно слушала слащавую лесть гостя, однако она все же была ей приятна.

— Вы очень любезны, граф, — сказала она. — Может, вы хотели бы познакомиться и с моей подругой? — И, не дожидаясь ответа, крикнула звучным, мелодичным голосом:

— Давия, поди сюда!

Тотчас же та явилась из кухни, с пылающими щеками, вся дышащая ароматами лука и пряных специй.

— Это соотечественник, недавно в Петербурге, граф ди Санта-Кроче, о супруге которого нам сегодня рассказывала Грациэлла! — представила она гостя.

Давия радостно всплеснула руками и засыпала графа потоком итальянских слов, расспрашивая о знакомых аристократах в Риме, Падуе, Милане, Венеции, Неаполе и еще дюжине других городов и городишек Италии. Граф знал многих из них и, пересыпая свои ответы любезностями и похвалами таланту и красоте артистки, сообщил достаточно новостей. В беседе приняла участие и Габриэлли. Певицы усадили графа в кресло, достали из пузатого шкафчика вино, фрукты, кубки, угощали его и сами исправно пили за его здоровье. Не прошло получаса, как между гостем и певицами установились самые приятные откровенные отношения. Граф оказался любезнейшим кавалером, к тому же объехал, казалось, весь свет, знал всех выдающихся людей. Была принесена гитара, и артистки исполнили дуэт из новейшей оперы аббата Пьетро Метастазио. Восторженный граф попеременно становился перед каждой на колени, целуя красавицам ручки, хотя они у Габриэлли сильно припахивали серым мылом, а у

Давии — подгорелым оливковым маслом. В то же время граф не уставал искусно расспрашивать певиц о петербургском дворе и свете, обо всех певицах и актрисах «Эрмитажа», о покровителях, о домах вельмож, их женах, любовницах и скандальных связях, тайных и полу явных. Между прочим перевел он речь и на покровителя Габриэлли, старого директора спектаклей и всяких зрелищ, господина Елагина, которого певица называла просто по батюшке: «Перфильевич!»

— Господин Елагин известен мне как муж, исполненный высоких добродетелей, — важно сказал граф Феникс, — огромной учености и государственного опыта. Слышал о нем в бытность мою в Лондоне от моего друга герцога де Бофора. Имею и письма к сему достопочтеннейшему лицу от мужей рассвета, восхода солнца, от тайного места, где пребывает великая мудрость и господствуют мир, согласие и тишина!

— Что он такое говорит? — сказала Давия, часто прикладывая к кубку, быть может потому, что кулинарные занятия у пылающего очага пробудили в ней жажду. — Что он говорит? О каком рассвете и тайном месте? Что за кабалистика? Впервые слышу о добродетелях господина Елагина. Спросите у Габриэлли, она вам расскажет, что это за добродетели! Ха-ха-ха!

— Оставь в покое моего доброго старичка,

Давия. — сказала Габриэлли.

— Доброго! Да, к тебе он добр, и ты с ним делаешь все, что только пожелаешь! Но другим в труппе нет житья от этой противной старой капризной крысы!

— Я еще раз говорю тебе, Давия, оставь в покое моего старого Перфильевича! — рассердилась Габриэлли.

— Вот еще! Ты, кажется, собираешься мне приказывать! Но я еще никогда и никому не подчинялась, тем более тебе! Чем я ниже тебя? Кажется, ничем! Хочу и буду говорить, буду!

— Молчи! Молчи! — вскакивая и яростно топая ногой, вскричала Габриэлли, черные кудри которой, как змеи, разметались по плечам.

Давия тоже вскочила, встряхнула своими великолепными волосами цвета венецианского красноватого золота, и, вырвавшись из-под шелковой сетки, они упали на грудь певицы, едва прикрытую воздушной рубашкой и коротеньким фигаро. Затем обе певицы, подбоченьясь, стали наступать друг на друга, пронзительно крича:

— Я буду говорить, всегда, всюду, что твой старикашка — безнравственная обезьяна! Коротышка! Уродец! Запыхается! Задыхается! Кос! Глух! Скуп! Носит по три года один кафтан! Всем надоедает! Ничего не смыслит в искусстве! Противный! Отвратительный!

— Он в тысячу раз лучше твоего жирного мопса Безбородко! Пьяницы! Грубияна! Варвара! Который таскается по кабакам и непотребным домам и заставляет тебя делить его любовь с уличными грязными тварями!

— Это все же лучше, чем жить со стариком, развалиной, немощным подагриком, только потому, что он главный директор театров и дает тебе первые роли!

— Я живу со стариком, а ты, кроме своего бегемота, с тремя... С несчастным мальчишкой графом Бобринским, которого растлеваешь и довела почти до чахотки, и с братьями, родными братьями!

— Что? Я живу с родными братьями?

— Да, да! Я знаю. С одним Рибасом и с другим Рибасом! Это — смертный грех. Это — кровосмешение.

— Фурия!

— Мегера!

— Цыганка!

— Жидовка!

Певицы до того разъярились, что, казалось, готовы были вцепиться друг другу в волосы.

Граф Феникс внимал перебранке с полнейшим спокойствием, улыбаясь и прихлебывая из кубка.

— Ты — жидовка и готова удавиться за горсть червонцев! — кричала Давия.

— Ты — цыганка, и у тебя нет религии! Ты служишь сатане! — кричала Габриэлли.

— Дура! Обе мы пойдем в ад, если только он существует!

— Слышите! Она не верует в учение святой церкви! Я — жидовка, говоришь ты, но я верую! Я никогда не позволю себе вступить в связь с двумя близкими родственниками одновременно, тем более с родными братьями.

— Какая святая, подумаешь! Кому ты говоришь? Разве я не знаю твоих походов!

— Ты — кровосмесительница. И я донесу на тебя аббату Николаю.

— Ха! Ха! Ха! Доноси хоть самой инквизиции! Мы — в России. Здесь меня не достанешь. Да и в Риме у меня достаточно знакомых кардиналов, которые любят жить весело.

— Когда ты умрешь, святая церковь откажет тебе в погребении!

— Всех актрис лишают погребения в освященной земле. Да не все ли равно мертвецу!

— Тебя не похоронят! Тебя не похоронят!

— Нет — похоронят!

— Нет — не похоронят!

— Да ведь я — провоняю!

Последний аргумент Давии был столь неожиданным, что Габриэлли не нашлась как ответить и замолчала.

Громкие аплодисменты вдруг раздались в дверях покоя. Певицы и слушающий их перебранку граф невольно оглянулись.

Глава VI. Российский комедиант

В дверях стоял стройный, изящный и довольно красивый молодой человек. Напудренные длинные натуральные волосы его были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Правильные черты лица, большие, умные, серые с поволокой глаза... Одет он был опрятно, со щегольской простотой, в суконный коричневый кафтан французского покроя со стальными пуговицами, шитый шелковый жилет, с брыжами и манжетами.

Когда присутствовавшие в комнате обернулись, он пленительно улыбнулся, обнажив цвета слоновой кости зубы. Его появление мгновенно успокоило страсти. Обе певицы просияли и бросились к нему. Каждую он брал за обе руки и с какой-то отеческой лаской целовал в уста.

— Мы немного повздорили, Жан! — небрежно объяснила Габриэлли.

— О, я слышал, божественная! — мягко ответил тот по-французски. — Я слышал. И должен сказать, что наша очаровательная Давия проявила в споре изумительную находчивость. Ее аргумент

неотразим. Но все же я больше люблю, когда вы состязаетесь в своем искусстве, чем в диалектике.

Говоря это, молодой человек рассматривал сидевшего с важным спокойствием гостя певиц. На его лице выразилось удивление. Казалось, он узнавал и не узнавал эту личность. Наконец сделал два шага к нему и учтиво поклонился. Тот ответил величественным кивком, сохраняя на лице холодное равнодушие. Однако глаза его, блуждавшие где-то под потолком, вдруг метнули на молодого человека острый подозрительный взгляд, на мгновение в них отразились испуг и растерянность. Но вслед за этим маслинообразные глаза итальянца вновь вознеслись, полные величавой мечтательности...

— Это наш новый знакомый, — представила Габриэлли, — граф Феникс ди Санта-Кроче!

— Российский комедиант ее величества Иван Дмитриевский! — назвал себя с учтивым поклоном молодой человек.

Граф снисходительно кивнул.

— Ведь это вы, граф, писали господину главному директору спектаклей и зрелищ, статс-секретарю императрицы, его превосходительству Ивану Перфильевичу Елагину? — садясь в кресло, продолжал российский комедиант. Обе певицы стали по бокам, опираясь на спинку кресла и глядя на молодого

человека, управляли его волосы и жабо.

— Вы не ошибаетесь, господин Дмитревский, вы не ошибаетесь, — на грубом французском языке, с итальянским акцентом подтвердил граф. — Я писал господину Елагину!

— Очень хорошо. Встреча наша прилась весьма кстати. Я как раз имел поручение от его превосходительства Ивана Перфильевича посетить вас и передать приглашение господина статс-секретаря пожаловать к нему сегодня в девять часов вечера.

— Правда, я крайне занят, но постараюсь прибыть! — отвечал граф.

Комедиант внимательно, хотя и незаметно, разглядывал лицо графа Феникса.

— Давно ли вы в России, граф, осмелюсь спросить? — сказал он.

— И давно и недавно, господин Дмитревский! — отвечал неопределенно граф.

— Вероятно, вы много путешествовали по Европе?

— О, даже сидя в этом кресле, я путешествую, так как земля со всем, что на ней пребывает, неутомимо несется в пространстве к востоку!

— Что касается меня, — не обращая внимания на странную форму ответа, продолжал Дмитревский, — то еще недавно, по поручению его превосходительства Ивана Перфильевича, я

посетил Париж и Лондон, чтобы как лично усовершенствоваться в искусстве, так и пригласить нескольких выдающихся артистов и актрис в труппу ее величества. И могу сказать, приобрел дружбу величайшего из актеров нашего времени, Гаррика, в Лондоне! Вам не случалось, граф, будучи в Лондоне, видеть Гаррика в «Лире» или «Макбете»?

Граф в ответ промывчал что-то невразумительное.

— Великий художник! Мастер несравненный! И посмотрите, каким почетом пользуется он в своей стране! На ужинах у герцога де Бофора...

— Граф говорил, что он друг герцога, — заметила Габриэлли.

— Вот как?! Дру-у-уг! — протянул Дмитревский. — О чем я говорил? Да, Гаррик! Волшебник! Что бы я дал за одну десятую его гения! Но я рассказывал о том уважении, которым пользуются актеры в Лондоне. Когда вошел сюда, то услышал спор божественной Габриэлли и несравненной Давии, небесные голоса которых пробуждают в каждом воспоминания о потерянном рае! Не достойно ли горького смеха, что в наше время, в просвещенный век Руссо и Вольтера, Фридриха и Екатерины, актер и актриса считаются отверженными существами, а их высокое, благородное искусство — зазорным ремеслом, и

церковь отказывается хоронить их в священной земле! Как упорно невежество! Как неискоренимы предрассудки! Но послушайте, прелестные! — продолжал Дмитревский, обращаясь к певицам. — Вы принимаете столь знатного гостя, иностранного графа, в домашнем легком наряде! Я — свой человек, российский комедиант, но граф!..

Неуловимо насмешливая интонация послышалась в этих словах актера.

— Ах, в самом деле, нам пора одеваться и ехать на репетицию! — всполошилась Габриэлли. — Граф нас застал за домашним хозяйством. Он извинит. Грациэлла ушла на рынок. Я мыла полы...

— А, так вот почему дверь на лестницу была распахнута и в прихожей наводнение! — весело вскричал Дмитревский. — Столь высокий посетитель, иностранный граф, друг герцога де Бофора, и вдруг — мочалка и мыльная вода!

— А Давия готовила обед! — со смехом сказала Габриэлли.

— Ах, я совсем забыла о кухне! Там все перекипело, подгорело! — вскричала Давия и кинулась из гостиной.

Вслед за ней вышла и Габриэлли — одеваться.

Граф и Дмитревский остались наедине. Оба некоторое время молчали. Граф все блуждал очами в небесах. Актер теперь рассматривал его

совершенно откровенно.

— Шевалье Вальдоне! — наконец сказал он. — А ведь это вы!

— Что же из этого, милейший мой Жан Дмитриевский, что же из этого? — равнодушно отвечал таинственный иностранец, и во взгляде его сверкнула дикая злоба. — Пусть я то лицо, которое вы встречали в Лондоне под именем шевалье Вальдоне! Здесь, в Петербурге, я — граф Феникс ди Санта-Кроче и имею на это звание и фамилию надлежащий патент.

— Работы несравненного маэстро Оттавио Никастро?! — презрительно спросил актер.

— Увы, нет! Почтенный Оттавио кончил жизнь на виселице в Венеции! А разве вы пользовались его каллиграфическим искусством, милейший? Патент мой подлинный. В Лондоне я был инкогнито. Вот почему вы и встречали меня там под именем шевалье Вальдоне, — произнес он развязно и с полным спокойствием.

На минуту Дмитриевский потерял самообладание.

— Встречал в Лондоне! — вскричал он. — Но припомните, где и при каких обстоятельствах я встречал вас там! Не приказал ли своим слугам герцог де Бофор, которого вы здесь именуєте «другом», разоблачив ваши фокусы с тенями и огненными руками, вышвырнуть вас на навозную

кучу и там отколотить палками? Не удостоил ли вас Гаррик полновесной оплеухой за кулисами при всей труппе за гнусное сводничество? Не изблещила ли вас собственная жена или особа, которую вы выдавали за свою жену, прелестная, несчастная Лоренца Феличиани? Вспомните, как вы гнили потом в долгой тюрьме, и не я ли сам участвовал в складчине, чтобы выкупить вас оттуда, движимый человеколюбием? Скажите, не было ли всего этого?

— Да, вы меня видели в унижении, в падении, в минуты злые, когда незримые враги и искусители временно низвергли меня в бездну порока, преступления, гибели! Но почему они это сделали? Чтобы отвлечь от великого дела, которому я служу! — напыщенно сказал шевалье Вальдоне, опять возводя очи к небу.

— Я знаю, что вы ловкий, смелый плут! Сам герцог де Бофор долго верил вашим хитростям и благородным речам! Но ведь тогда были собраны сведения о ваших приключениях в столицах Европы, где вы появлялись, неуловимый и изменчивый, как некий Протей, под разными фамилиями. Вы знаете, какие это были сведения!

— Если я оставался, по вашим же словам, неуловимым то, что же полиция могла собрать, кроме сплетен и клеветы моих врагов? Совершенное другими — приписывали мне. Не отрицаю, ужасные искушения преследовали меня,

как и всякого, вступающего на путь совершенства, служения человечеству, строительства храма всеобщего блаженства! Черные силы зла, слуги князя мира сего устремляются против рыцаря Соломонова храма, против дерзнувшего потрясти вековечное царство тирании, невежества, фанатизма и предрассудков! В борьбе он иногда слабеет, падает тем ниже, чем выше возносился! Но не судите о нем в унижении его! Вновь восстанет и явится в сиянии славы, силы и мудрости избранник вечности! — Вальдоне встал и весь преобразился, вдохновляясь.

— Не падши — не спасешься, правда, — проговорил по-русски актер, видимо потрясенный, но пытавшийся подавить в себе это впечатление.

— Молодой человек, — проникновенно продолжал Вальдоне, — разве вы не подвержены искушениям? Разве в том же Лондоне я не видел вас среди оргий, за чашей, в объятиях, хотя и прекрасных, но дурных женщин?

— Нет, не забыл. И особенно помню, что вы опаснейший шарлатан и авантюрист! — вспыхнул Дмитревский. — Я жил, как все актеры, и не выдавал себя за провидца, чародея, святого и духовидца, как вы! Теперь вы объявились в Петербурге, проникаете к его превосходительству Ивану Перфильевичу Елагину, очевидно, прислав ему какие-нибудь столь же достоверные

рекомендации, как и ваш диплом на графское достоинство. И вас Елагин приглашает сегодня, когда у него будет заседание капитула всех здешних лож! Могу ли я допустить проникновение в святилище темного проходимца! Если вы явитесь сегодня, я изблещу вас при всех, знайте это! — он поднялся и пригрозил Вальдоне рукою.

Глаза последнего засверкали.

— Дерзкий! — грозным шепотом произнес он. — Против кого ты идешь! Я раздавлю тебя, как ничтожного червя! Знай, что дни унижения давно миновали. Пред тобою муж, облеченный высшей властью, возведенный в совершеннейшие степени могущества, посвященный в тайну тайн и откровения откровений! Тайно послали меня на изнывающий во мраке невежества и порабощения Север совершить великое дело!

— Кто же вы? И где доказательства ваших полномочий? — спросил, содрогнувшись, засомневавшийся актер.

— Непреложные доказательства моей верховной миссии будут представлены на заседании капитула. Кто я — сегодня же узнают. И не узнают. Вот знак, который убедит тебя, что ты, удостоенный звания избранного шотландского мастера, так низко стоишь по отношению ко мне и должен безоговорочно повиноваться.

Говоря так, граф протянул руку и совершил

перед трепещущим молодым человеком таинственное знамение. Дмитревский схватил его руку и поцеловал..

Глава VII. В капитуле

Возле Царицына луга, в особняке, укывшемся среди небольших строений и старых лип уютного сада, в продолговатом сводчатом зале с плотно занавешенными окнами происходило торжественное собрание капитула избранных шотландских мастеров.

После обычных вопросов: который час, бдительна ли стража и хорошо ли «укрыто» святилище для безопасной работы — великий наместный мастер восьмой провинции (которой числилась во всемирном ордене Россия) Иван Перфильевич Елагин, с зеленой лентой через плечо с подвешенными к ней золотыми циркулем и треугольником, поднялся с председательского кресла, взял молоток и, ударив по алтарю шесть раз подряд и три погода, открыл ложу капитула.

Кресло Елагина, изображавшее Соломонов трон, находилось в восточной части зала на возвышении со ступенями и балюстрадой. Рядом стояло другое кресло, поменьше. В нем сидел с фиолетовой лентой через плечо великий мастер ложи Астреи князь Иван Сергеевич Гагарин.

На маленьком столике перед ними, покрытом ковром, лежали человеческий череп, книга Премудрости Соломона и стоял подсвечник с тремя зажженными восковыми свечами, слабо освещавшими высокое помещение. Ниже, за помостом, посредине зала на полу был начертан мелом большой квадрат и в нем разнообразные символические фигуры: пламенеющая звезда, колонны, орудия каменщиков, черепа и кости и т. п.

То был символический ковер капитула. Посреди чертежа стоял гроб на ножках, накрытый черным покровом с вышитыми на нем слезами, Адамовой головой и ветвью акации. Вокруг гроба и по краям чертежа были расставлены девять высоких шандалов с горевшими в них толстыми сальными свечами.

Вдоль стены в круглых креслах сидели члены капитула. Надзиратели со шпагами стояли за ними. У входных, плотно занавешенных дверей стояли церемониймейстер с жезлом и страж врат с мечом. Так как зал освещался немногочисленными свечами, стоявшими на полу, большая часть его была погружена во мрак, а лица братьев-масонов, подсвеченные снизу, приобретали особое, таинственное и странное выражение.

Мрачность обстановки усиливали черные плащи и шляпы мастеров, их неподвижность и величественная осанка. Все они были при шпагах, в

передниками и лентах разных цветов, с золотыми знаками на нагрудных цепях, с молотками в руках, в белых перчатках с широкими раструбами. Здесь были первейшие вельможи Екатерины: граф Александр Сергеевич Строганов, князь Александр Иванович Мещерский, великий мастер ложи «Эрато», князь Александр Борисович Куракин, князь Сергей Федорович Голицын — супруг племянницы светлейшего Варвары Васильевны, прозванной дядей «Улыбочкой».

За особым столиком со стороны возвышения сидели провинциальный великий секретарь, поэт Василий Майков, и секретарь шотландского капитула и личный Елагина — князь Юрий Михайлович Кориат.

Должность надзирателей выполняли Александр Андреевич Ржевский и Иван Афанасьевич Дмитриевский; церемониймейстера и стража — два немца, курляндские бароны фон Менар и фон Саломон. После открытия ложи некоторое время сохранялось общее молчание. Присутствующие стояли, мысленно обращаясь к Великому Архитектору Вселенной.

Затем, когда все сели, председатель заговорил: — Вы не менее моего осведомлены о сумятице в здешних ложах, произведенной новоизмышленными учениями и системами. Это привело нас к нищете, и ложи, учреждая работы по

разным системам, пришли в полное расстройство, подобное вавилонскому столпотворению. Вкрались ложные братья, начались споры, озлобленность и всеобщая неприязнь друг к другу. Священные начала равенства и любви стали забываться. Брат идет на брата.

В этих обстоятельствах я собрал капитул, чтобы обсудить, как снова объединить ложи и привести их к согласию, имея в виду, что без верного направления работать невозможно.

И теперь, братья, прошу каждого высказать свое мнение, как нам в этом лабиринте Ариаднину нить обрести.

Великий наместный мастер склонился и умолк.

— Еще не время ордену показать себя во всем величии, но оно недалеко, — заговорил князь Гагарин. — Положение изменится, ибо сказано в Писании: «Я хочу прийти к тебе, но дух страны противодействует мне». Так теперь противодействует дьявол всем розенкрейцерам в России, чтобы в царстве тьмы удержать тьму!

— Полагаю, что пришествий было к нам достаточно, — возразил Елагин. — Вот и сегодня я жду визитера.

— Визитера! Кто такой? Откуда? — слышались голоса.

— Сие лицо уже третий месяц в столице

пребывает инкогнито под именем Фридриха Гвальдо, полковника испанской службы, занимающегося вольным врачеванием.

— Фридрих Гвальдо! Но я о нем слышал, — сказал князь Голицын. — Сегодня светлейший даже посылал за ним камердинера на предмет осмотра нашего больного малютки, но тот нагло отказался приехать.

— Достопочтеннейший брат, это можете сегодня выяснить. Он прислал ко мне письма от весьма значительных особ, а именно: от герцога де Бофора из Лондона, от герцога Шартрского из Парижа и от принца Гессен-Кассельского и пребывающего при нем на покое знаменитого графа де Сен-Жермена!

— О! — слышались удивленные возгласы.

— Во всех этих письмах, — продолжал Елагин, — неизвестное лицо рекомендуетя как облеченное высшими полномочиями и присылаемое в Россию собственно с тем, чтобы инспектировать наши работы, сообщить чертежи на текущее десятилетие, открыть некие высокие тайны и наставить нас, бедных, в совершенстве. Что мы получим, что увидим и услышим — скоро узнаем. Но я счел за благо начать заседание капитула за час до прибытия визитера, дабы мы могли сговориться. Прискорбно будет, ежели наша сумятица глазам незнакомца откроется! Просил бы вас,

достопочтенные братья, решить, какой системой нам ограничиться?

— Я полагаю, — сказал граф Строганов, — что особенно важно нам открыть у себя алхимические градусы и приступить к высшим работам по изготовлению хаос-ского минерального электрума, а также познание минеральной силы природы, совершенное познание земно-философского солнца, изготовление партекуляр-камней и познание великого универсала.

— Ах, граф, алхимическое испытание сил природы есть внешняя наука, — возразил князь Мещерский. — Надо совершенствоваться во внутреннем тайноведении и тайнодействии. А для этого всячески стараться объяснить иероглифы и знаки, начертанные на девяти дугах около святого гроба!

— Но в наших таинствах, князь, мы уже не меньше, а больше имеем, — сказал Куракин. — Адам из первого совершенства своего, или образа и подобия Божьего, пал тремя ступенями из духовного человека в грубо плотского. В мастерской степени посвящаемый повергается в гроб тремя ударами, а восстает посредством пяти мастерских пунктов!

— Братья, прошу внимания! — произнес Гагарин. — Самодовольство всякого от

совершенства отдаляет. Что мы делаем, кроме столовых лож, где поем песни и служим Бахусу? В чем работы наши? Где дела? Ничего я не вижу. Между тем в Германии и впрямь появились адепты светозарной истины. Приступим же! Призовем сих мужей! Откроем эти таинственные кладези!

— Из этих кладезей пока лишь смрадные пары I я туманы исходили! — запальчиво возразил Елагин. — Не вижу, чего нам недостает! Минуло тридцать пять лет, как I я в английской ложе принят в так называемые вольные каменщики. Сколько книг об ордене за это время внимательно изучил и многие царственные науки! И что же? Слышу теперь, что я ленивый раб, а не пастырь, и ничего не имею! Горько мне и обидно!

— Да не о вас речь, а вообще! — с досадой отвечал князь Гагарин. — Кроме произнесения темных речей, ничем мы не заняты. Где плоды трудов наших? Потому я сказал, что надо нам обратиться туда, где свет сияет!

— Я, держащий в деснице моей молоток, дающий мне как великому провинциальному мастеру власть...

— Но власть вашего превосходительства не простирается настолько, чтобы нам глаза завязать и погрузить в полную тьму! — крикнул Гагарин.

— Братья! Достолубезнейшие братья! — простирая руки к спорящим, возопил Куракин. —

За тем ли мы собрались! Сейчас прибудет визитер, а мы в смятении!..

— Я, великий наместный мастер, оскорблен князем в святилище, когда держал в руке молоток! — вскричал Елагин.

— Я ваше превосходительство оскорблять не желал, признаю ваше звание, но и сам великий мастер, а не мальчик, чтобы меня на помочах водить!

— Достолюбезные братья! Ваше превосходительство! Князь! — вопил Куракин. — Успокойтесь.

Елагин и Гагарин умолкли и, отдуваясь, сели в свои кресла.

— Но мы совсем в потемках, — заметил Ржевский.

В самом деле, в зале стало совсем темно. Во время спора никто не следил за сальными свечами, стоявшими на полу. Они нагорели и еле светились под шапками нагара.

Достав щипцы, Ржевский стал снимать его со свечей. Просветлело.

Вдруг три сильных удара потрясли входную дверь.

— Визитер! — прошел шепот между членами капитула. Они приняли торжественную осанку, изобразила глубокомыслие и величественно застыли.

Визитер, присланный от верховных руководителей ордена из Европы, интересовал их чрезвычайно.

Глава VIII. Визитер

Церемониймейстер с тростью вышел из ложи в соседний зал, называемый «chambre des pas-perdus»³. Страж врат затворил за ним дверь и стал возле нее с мечом в руках.

Церемониймейстер нашел в «chambre des pas-perdus» человека, одетого пышно и странно. Шляпа его была украшена перьями. Вишневая бархатная мантия расшита фиолетовыми иероглифами. Под ней на груди покоилась великолепная цепь, по-видимому, золотая, с таинственным зеркалом посередине и звеньями египетских жуков-скарабеев из блестящих камней. На переднике гостя было изображение сфинкса. Мистические перстни украшали пальцы поверх перчаток. Широкое, пышное жабо теснило его жирную, короткую шею. На бедре висел меч с крестообразной рукоятью. Визитер был не один. В кресле сидела дама, укутанная с головы до ног покрывалом, но из-под прозрачной ткани можно

---

³ Зал утерянных шагов (*фр.*).

было видеть ее прелестное лицо, грудь, шею и весь стан. На головке красавицы надет был венок из роз. Античный хитон открывал руки и шею и струящимися складками столь же скрывал, сколь и выдавал совершенство ее фигуры.

Приняв от гостя знаки и тайное слово, церемониймейстер с недоумением и в то же время с естественным восхищением вопросительно посмотрел на даму.

— Я, граф Калиостро, посланник Великого Кофта, гроссмейстера египетского масонства Иераконполя, пирамиды Хеопса, Мемфиса и всего Востока! — с грубым южным французским произношением сказал визитер. — Особа, прибывшая со мною, — моя жена, урожденная графиня Серафима ди Санта-Кроче. По статутам египетского масонства братья и сестры одинаково возводятся во все степени и допускаются к работам в ложах, ибо истинное масонство еще в раю открылось прародителям Адаму и Еве у древа познания, от коего и отведала Ева. Впрочем, этих свидетельств будет достаточно.

— Граф Калиостро?! — переспросил изумленный церемониймейстер. — Возможно ли?! Вы — знаменитый граф Калиостро?!

— Я тот, кто я есть, — с улыбкой отвечал Калиостро. — Молва любопытной, но бессмысленной толпы создает знаменитость.

Мудрый этим пренебрегает.

— Но вы в Петербурге уже третий месяц!

— Я проживал здесь инкогнито, под именем врача Гвальдо, занимаясь исцелением страдальцев. Но поспешите возвестить капитулу о нашем прибытии, брат-церемониймейстер!

— Я не замедлю. Но должен предупредить, что по статутам капитула женщины в ложу не допускаются!

— Передайте вашему наместному мастеру эту записку. Будет достаточно.

Говоря так, Калиостро приложил к документам еще маленькое письмецо, сложенное треугольником.

Церемониймейстер поклонился и постучал трижды в двери ложи, два раза подряд и третий, повременив, слабее.

Стоявший за дверями великий страж отвечал ему тоже тремя ударами.

Церемониймейстер вновь постучал три раза.

После совершившегося в зале специального обряда он предстал перед мастером.

— Брат, кого нашли вы в Зале утерянных шагов? — последовал вопрос.

— Посланника Великого Кофта, гроссмейстера египетского масонства Гиераконполя, пирамиды Хеопса, Мемфиса и всего Востока, брата Калиостро, и супругу его, сестру

Серафиму, урожденную графиню ди Санта-Кроче, того же священного ордена Великую мать, в подтверждение чего вручены мне его патенты, сертификаты, грамоты и некое послание.

Говоря это, церемониймейстер положил бумаги на алтарь перед креслом великого мастера.

— Калиостро! — пронесся изумленный шепот. Елагин поспешно взял документы и треугольную записку. Внимательно ознакомившись с ними, он обратился к присутствующим:

— Почтенные братья, могу удостоверить правильность представленных документов и прошу вашего согласия на допущение в ложу вышеозначенных лиц.

Между братьями шепотом начались переговоры и споры. Всех смущало, что граф Калиостро пожаловал не один, а с супругой, между тем как в ложу капитула женщины до сих пор не допускались. Однако обошедшее всех треугольное письмецо, переданное братьям капитула наместным мастером, рассеяло их сомнения. К этому прибавилось и естественное любопытство увидеть необыкновенную красавицу. Церемониймейстер шепнул каждому о наружности графини Серафимы.

Придя к единодушному решению, члены капитула выразили свое согласие, одновременно ударив один раз молотком. Ржевский вновь поспешно снял нагар со свечей.

Для сопровождения в ложу почетных гостей великий мастер назначил двух ассистентов. Выбор его остановился на Мещерском и Голицыне. Вместе с братом-церемониймейстером они вышли из ложи. Опять начались перестукивания. Наконец через приоткрытую дверь страж спросил: «Кто там?»

— Это брат Калиостро и сестра Серафима, которые желают ознакомиться с нашей работой! — слышался ответ.

Дверь закрыли. Немного посидели в молчании.

Великий мастер поднял молоток и ударил — страж распахнул двери. Великий мастер ударил еще один раз. Братья капитула поднялись, обнажили шпаги и скрестили их, образуя так называемый «стальной свод».

Появилась процессия. Впереди шел церемониймейстер, сзади — ассистенты со скрещенными в форме косога креста шпагами. Войдя, церемониймейстер стал в стороне, опираясь на далеко отставленную трость. Ассистенты расположились вдоль ковра, держа шпаги вертикально.

Великий наместный мастер сошел с помоста и стал в восточной части ковра.

Гости вступили под скрещенные шпаги на ковер, последовательно становясь на определенные его фигуры шагом посвященных. Калиостро

шествовал, отчетливо отбивая шаг, почти прыгая. Казалось, он пребывал в состоянии экстаза или сомнамбулизма. Отливавшее синевой лицо его было неподвижно, обращенное вверх, а глаза блуждали и закатывались, открывая сверкающие белки. Но взоры всех невольно устремлялись на его безмолвную спутницу, пленительную каменщицу. Ее туника из очень тонкой ткани то отливала чудной белизной, то принимала шафранный оттенок, то рдела ярким пурпуром розы. Она приподняла края одежды обнаженными до плеч прелестными руками, охваченными золотыми запястьями в виде змеи, и открыла до щиколоток ножки в парфянских хитроузорных прорезных сапожках, осыпанных цветными камешками. Выше щиколоток на ногах тоже были змеевидные браслеты, но черненого серебра. Она открыла ноги, чтобы братья капитула видели ее мастерской шаг.

При движении складки переливающейся туники то скрывали, то пленительно выдавали совершенные формы тела Серафимы. Розы рдели над ее склоненной головкой, и черные кудри рассыпались по плечам. Всю ее белоснежной дымкой окутывало широкое тончайшее покрывало. Другое, черное, сверкало темным таинственным блеском. Обвитое вокруг бедра и пропущенное под правой рукой, оно было закинуто на левое плечо, скрывая под собой левую, совершенно обнаженную

грудь. За плечом покрывало спускалось широкими складками и развевалось, как черное крыло. Золотые звезды и серебряная луна были вышиты по черному фону покрывала. Таинственную прелесть одеяния жрицы сопровождало весеннее благоухание, исходившее от роз ее венка, розовых, просвечивающихся сквозь тунику ног.

Когда Калиостро и жрица прошли символический путь под стальным сводом и приблизились к великому наместному мастеру, члены капитула с шумом вложили шпаги в ножны и стали ритмично рукоплескать. Елагин принял знаки и слово от Калиостро и заключил его в братские объятия. Затем обратился к пленительной камешнице, расцветая в улыбке восхищения. Не без зависти братья созерцали, как он пожимал ей ручку, как, приблизив уста к уху мастера, она шептала ему тайное и священное слово высшей мистической степени.

Это длинное слово нужно было произносить по слогам, так, мастер шепнул первый слог, а жрица — второй, мастер — третий и т. д., и довольно долго лицо и ухо Елагина находились в ароматном и теплом соседстве с устами прекрасной гостьи. Затем жрица быстро коснулась устами увядших губ старика и ускользнула от его объятий. Елагин с глубоким реверансом поднес ей свой молоток. Поблагодарив наклоном головы, она по обычаю

отказалась. С гораздо меньшей любезностью он предложи, молоток и мужу красавицы. Калиостро, конечно, не принял этого знаки власти.

Они поднялись на помост. Секретарь наместного мастера молодой князь Кориат, не спускавший восхищенного взора с таинственно-прекрасной Великой матери и жрицы египетского масонства, поспешил поставить по правую и левую руку Соломонова трона два кресла для визитера и визитерши.

Ржевский бросился снимать со свечей нагар, хотя они горели теперь настолько ярко, насколько это вообще было возможно.

Глава IX. Удостоверение личности

Заняв Соломонов трон, Елагин обратился к Калиостро:

— Согласно статутам священного капитула Великого Востока восьмой провинции, соблаговолите, достопочтеннейший брат, объяснить всем членам ложи причины вашего прибытия и вступления в наше святилище!

— Охотно, высокопочитаемый мастер! — отвечал Калиостро.

Он отбросил за кресло край своей длинной мантии, оправил цепь с круглым зеркалом на груди, причем посмотрел в зеркало, затем простер руку,

горевшую перстнями, и изобразил знак высшей магической власти, который заставил всех преклонить головы.

— Почтеннейшие братья! — заговорил Калиостро. — Уже одно благоговение к сему святилищу всякого принудило бы или хранить в нем молчание, или изрекать истину! Но если сказанное мною окажется для вас трудно постижимым и невероятным, то причиной тому слабость зрения, не выносящая яркого света, заблудшее состояние даже стоящих у врат мудрости, бессилие слова человеческого поведать необъяснимое. Вот почему вынуждены мы прибегать к символам и иероглифам. Однако я не среди непосвященных! Вы знаете, сколь величественно наше искусство и сколь далеко простирается. Вы знаете, что масон, обладающий таинством великого дела, имеет дар излечивать все болезни тела и жить несколько сот лет по примеру древних! Обладает он и способностью производить богатства, превосходящие сокровища всего мира, имеет возможность беседовать с ангелами, в силе остановить солнце с Иисусом Навином и с Илиею отверзать и затворять небо! Знаете вы также, что истинное масонство открылось еще в раю, но неумеренное праотца нашего вожделение, выпустив страшное из твердых запоров зло, дало ему волю неистовствовать в телесном веществе! Тогда

первобытное таинство сокрылось. Однако в избранных душах оно сохранилось и, переходя от мудреца к мудрецу на год, и месяц, и день, и час, не нарушено! И ныне я истину пред вами свидетельствую, что уже близко у порога откровение святыни и преображение мира! С тем я и прибыл на север, что именно здесь благоволит воссиять свет над главою Великой Жены в ясном блеске! Именно здесь откроется мать созвездий, родоначальница времени, праматерь мира! Итак, выходите, выходите за врата, посвященные, со светильниками в руках, выходите, чтобы светом земного огня почтить высшую госпожу небесных созвездий!

Граф Калиостро на минуту умолк. И все хранили молчание, одурманенные потоком темных слов визитера. — Не будете ли столь добры, граф, — с приятной улыбкой сказал Елагин, — не будете ли добры от иероглифического языка перейти к общедоступному и, согласно статуту капитула, объяснить точно, откуда и с какой целью прибыли к нам, и какую, собственно, роль в нашем святилище хотите на себя взять.

Насколько восхищала главного директора зрелищ красота женщины, настолько неприятное впечатление производил на него сам посланник Великого Кофта. По манерам, приемам, словам и костюму Калиостро казался Елагину самым

вульгарным шарлатаном. Своим последним словом Елагин придал явно иронический тон и окинул визитера с ног до головы пренебрежительным взглядом.

Но Калиостро даже не смотрел на наместного мастера. Взор его блуждал в высотах.

— Какова цель нашего прибытия? — повторил он вопрос Елагина. — Сие слово от стрельбы взято и к работам каменщиков неприлично в употреблении. Какую роль хотим мы взять на себя?

Тут вдруг синеватые губы Калиостро расплылись в улыбке, и глаза, выглянув из-под круглых бровей, словно мышцы, шмыгнули по сторонам и опять вознеслись кверху.

— Какую роль? В нас нет ничего театрального, — с явной насмешкой выговорил Калиостро на своем грубом южно-французском наречии.

Члены капитула зашевелились, скрывая улыбку. Елагин почему-то чрезвычайно рассердился и заговорил уже брезгливо, свысока, всем видом показывая, что хотя в ложе и почитались за ничто титулы, все были равны и братья, однако он — статс-секретарь государыни, сенатор и кавалер, а прибывший визитер не кто иной, как темный проходимец и авантюрист, и, вступив в собрание столь избранных особ и первых,

можно сказать, вельмож империи, напрасно забывается.

— Государь мой, в статутах этой почтенной ложи определено сказано, что визитер должен точно объяснить причину своего прибытия и вступления в собрание капитула, несмотря на то, что представленные им патенты право на сие безусловно подтверждают. Ежели же он нужных объяснений не представит, то, во-первых, к рассмотрению работ в капитуле не будет допущен, во-вторых, великий наместный мастер налагает на него значительный денежный штраф, используемый на благотворительные цели.

— Мне кажется, что патенты, а главное, рекомендательные письма высоких в ордене особ избавляют господина Калиостро от применения к нему статута, направленного против любопытствующих особ, в Европе принятых легкомысленно, как часто там бывает? — заметил Гагарин. — Имя господина Калиостро знаменито...

— Вот именно, князь, — живо перебил, переходя на русский язык, Елагин. — Именно так! Ныне в Европе даже к наивысшим степеням без разбора невежды допускаются. Да вот, недалеко ходить за примером: два повара-француза, бывшие у меня в услужении и, кроме ложных счетов, не умеющие ничего писать, показали мне подлинные грамоты их лож, где они не только разными

шотландскими рыцарями, но один из них рыцарем Розе-Круа и Востока сделан. Они, кроме имен, ложных слов и лент, ничего не знают. Отойдя от меня, они продолжают в вольном каменщичестве упражняться. Здесь есть также две ложи в домах у министров, с моего дозволения: одна французская ложа «Скромности», другая итальянская — «Комуса». В них упражняющиеся мастера оба французы и повара. Один из них, господин Бабю, на поварнях Бецкого упражняется в своем искусстве и делает весьма добропорядочно торты, желе, муссы и всякие кремы. Да! А между тем эти кухари — каменщики, и даже не долее как в пятницу должно быть у них собрание обеих лож для принятия нескольких поваренков разных наций в компаньоны и мастера. Если бы я запретил им работать, они бы не преминули открыть ложи по дозволению, данному в патентах от «Великого Востока» Франции и гроссмейстера Дюка де Шартра. Из этого примера заключите, как мы должны быть осторожны. Кто такой сей пришелец, и действительно ли он граф и знаменитый Калиостро, или пройдоха?

— Осторожнее, ваше превосходительство, он, может быть, по-русски понимает! — заметил граф Строганов.

— Ну, где ему понимать! Посмотрите на физиономию! В самом деле, лицо Калиостро

приняло совершенно лунатическое выражение, глаза блуждали под потолком, и казалось, что он не только ничего не понимает, но едва ли помнит, что он на земле и в телесных границах находится.

— Он ничего не понимает, — подтвердил Гагарин. — Но все же письма, им представленные...

— Ах, князь! — с досадой перебил Елагин. — Ужели вам приведенного примера недостаточно? Но едва ли и сам сей граф Калиостро не из поваров будет! У него сейчас такая мина, словно он на горячей плите в кастрюле мешает, а пар ему клубом в морду бьет, так он ее задрал. Письма! Патенты! Все это отмычки, может быть, воровские, чтобы проникнуть в наши чертежи. Нам весьма осторожными быть надо уже потому, что русские люди безмерно доверчивы к иностранцам, и всякий, кто по-французски болтает, у нас за великую персону принимается. А язык этого графа весьма груб, и прононс его более кухарю приличен, нежели подлинному графу. Иное дело его супруга. Прелестная сия особа может быть приобретением для нашего театра. Потому заявление господина Калиостро, что у него нет ничего театрального, — напрасно! Мне Габриэлли на репетиции о сей красавице рассказывала, что она через карлицу свою познакомилась с ней. Красавица отлично поет!

— Вполне разделяя мнение вашего превосходительства о необходимости соблюдения величайшей осторожности, — сказал Строганов, — все же нахожу, что если сей визитер подлинный Калиостро, то он может это подтвердить великими силами, коими тот знаменитый муж заслужил изумление всех народов. Во многих ложах за границей статуи ему воздвигнуты с надписью «Божественному Калиостро». Итак, пусть он обнаружит пред нами те силы и великое искусство, о которых сейчас говорил, хотя бы в чем-либо. Это будет лучшее удостоверение его личности.

— Прекрасно сказано, достопочтеннейший брат! — подхватил Мещерский. — Испытаем этого пришельца и на деле увидим, чего он стоит.

— Пусть он себя покажет, пусть покажет! — подтвердил и Куракин.

Единогласие решения все члены капитула подтвердили дружным ударом молотков.

С приятнейшей и любезнейшей улыбкой Елагин на отличном французском языке объяснил Калиостро, чего от него требует капитул.

Калиостро выслушал и спокойно кивнул.

Ржевский поспешил заменить запасными шандалами со свечами старые, уже выгоревшие почти до бумаги.

Глава X. Искусство Калиостро

Некоторое время все сидели в торжественном молчании ожидания. Любопытство членов капитула было напряжено до высшей степени. Калиостро казался погруженным в глубокие размышления. Представлялось, что он молился, так как губы его беззвучно трепетали. Вдруг поднялся с кресла. Правой рукой обнажил блестящий меч. В левой откуда-то появилась небольшая курильница с ручкой. Он подул в отверстие на конце ручки, изображавшей змея с раздутой шеей, и из отверстия вырвалось облачко слащаво-ароматического дыма.

С курильницей и мечом Калиостро быстро обошел всю ложу. Клубы дыма, струясь за ним, составили знак Меркурия — большой круг с рогами и крестом.

Став затем лицом к востоку и ко всем членам капитула, Калиостро поставил на пол курильницу, из которой прямой струей подымался густой дым, и стал громко читать непонятные заклинания. При этом он наступал, как бы фехтуя с невидимым противником, грозно топал и махал мечом... Затем вложил меч в ножны и встал неподвижно, беззвучно шевеля губами и обводя собрание странными, какими-то оловянными зрачками чрезвычайно расширившихся глаз. Все смотрели на мага. Вдруг он указал на зеркало, висевшее на его груди, как бы приглашая соединить взоры на нем. Потом провел по зеркалу рукой, и оно стало

черным и блестящим, как агат. Провел по зеркалу второй раз, и в центре его появился огромный, изумительной огранки, чистоты и блеска алмаз. Пока все любовались его игрой, Калиостро покачивался, простирая руки, и монотонно завывал на восточный странный мотив какие-то стихи на неведомом языке. Вдруг взмахнул руками, и все ясно увидели, что пламя девяти свечей, горевших на полу, поднялось до половины комнаты и извивалось девятью пламенными языками... Он опустил руки — и языки опустились к светильникам. Калиостро вновь поднял руки, и огонь опять поднялся... И так до трех раз.

Это простое, но чудесное явление наполнило ужасом членов капитула. Но все сидели неподвижно, скованные странным оцепенением, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой... Только сердца их учащенно бились, порою пол начинал уплывать из-под их кресел, и тихо позванивало в ушах.

Неожиданно в руках гостя появилась изящная серебряная флейта. Он поднес ее к губам и извлек гармоничный, стонущий звук, потом отстранился от нее. Флейта сама по себе продолжала издавать до боли сладостный звук. Калиостро повел флейтой, и таинственные голоса невиданных инструментов, как будто играя на стеклышках или серебряных колокольчиках, присоединились к основному,

стенающему на одной ноте звуку. Мелодия ускорялась, ускорялась... И вдруг сидевшая до сих пор неподвижно Серафима поднялась, воздушно сошла вниз и пошла вокруг ковра и между свечами, фигура за фигурой, в стройной пляске. Ее цветные прозрачно-туманные одежды струились и клубились, то скрывая ее руки и ноги, то выдавая все округлости и линии тела. Она склоняла головку, увенчанную розами, то на одно, то на другое плечо. Ресницы ее были опущены, алые уста трепетали непередаваемой улыбкой, белое покрывало летало вокруг, кудри бились по плечам, тускло-блестящее черное покрывало, сверкая вытканными звездами, как змея, обвивало бедра и тонкий стан. Неизъяснимо сладостной была ее пляска, соединяя смелое сладострастие с целомудрием совершенной красоты. Сердца зрителей ныли и трепетали от сладкой боли. Гармония лилась. Струились клубы курений. Жрица танцевала между свечами вокруг стоявшего на символическом ковре укрытого черным покровом саркофага.

Вдруг она остановилась в ногах гроба и, подняв конец черного покрывала, перекинутого за левое плечо, обнажила красивую грудь, белую, как мрамор, с розовым возвышением соска, а черным покрывалом закутала себе голову. В то же время стоявший за ее спиной Калиостро извлек меч, отвел голову красавицы и вдруг вонзил ей с левой

стороны шеи меч по самую рукоятку. Вопль ужаса вырвался из уст присутствовавших. Но они не могли пошевелиться, не могли разорвать сковавшие их чары и только смотрели, как Калиостро поддержал склонившееся тело несчастной, как вынул меч, и кровь густой струей хлынула из широко отверзтой раны, как он ловко подставил под кровавую струю узкогорлую золотую урну, так что ни капли не пролилось на одежду красавицы и на пол. Кровь перестала литься. Калиостро поставил урну на пол, подхватил бездыханное тело убитой за талию, подволок к гробу, ногой сбросил с него покров и крышку, высоко поднял в воздух тело и, безжалостно швырнув его в гроб, прикрыл крышкой и покровом. Потом, бормоча заклинания, взял урну, обошел свечи и залил пламя каждой кровью. Голубой свет распространился вместе с клубами курений в храмине, и она вся преобразилась. Пол стал мраморным. Потолок образовал черный купол, усеянный золотыми звездами. Его поддерживали колонны из лазури и малахита. Свечи и подсвечники превратились в высокие шамбы, на которых расцвели огромные огненно-красные лилии. Внешний вид самого Калиостро преобразился. Он стал высокого роста. Рогатая тиара с крылатым змеем-аспидом венчала его голову. Одежды его, из златотканой парчи, напоминали епископский сакос. Он стал в ногах

гроба и громко читал заклинания, потрясая руками и преклоняя тиару. Та же музыка лилась в храмине. Но основная, стнящая нота ее достигла нестерпимого напряжения, а аккомпанемент, казалось, вызванивали соборные колокола. Вдруг прозрачная тень поднялась над гробом. Некромант завывал заклинания. Звон и мелодия продолжались. Тень реяла и мало-помалу приобретала все более определенные очертания. Бледное, телесно-туманное очертание нагой дивно-прекрасной женщины явилось, плыло и оставалось неподвижным в клубах курений над гробом. Бледная головка в венке из роз склонилась на правое плечо, над левой грудью чуть алела рана. Мертвая улыбка бесконечного блаженства и бесконечной скорби трепетала на губах.

Внезапно молодой князь Кориат нечеловеческим усилием воли одолел сковавшие его чары и, сорвав с шеи большой крест рыцаря-храмовника, бросился к гостю, восклицая громовым голосом:

— Проклятый убийца!

Калиостро махнул рукой. Молния прорезала воздух. Страшный удар грома потряс храмину и обрушил ее потолок. Мгновенно все погасло. Тьма стала непроницаемой...

Сколько времени прошло, пока очнулись члены капитула, они сами потом не могли сказать.

Наконец в темноте послышались стоны. Потом дрожащие голоса братьев-масонов стали призывать друг друга. Убедившись, что живы и невредимы, они поднялись, слабые, изнеможенные, с болью во всех членах, качаясь от нестерпимого головокружения и боли в висках. В темноте, спотыкаясь, сталкиваясь и спрашивая друга друга: «Князь, это вы? Граф, вы?», — добрались до двери, спеша выбраться из отравленной слащавым курением храмины. В Зале утерянных шагов было светло. В окна струился розовый пламень весенней зари.

В то время как одни открывали окна в сад и жадно дышали свежим воздухом, другие звали слуг. На отчаянные вопли своих господ те вбежали толпой со свечами. На вопросы, слышали ли они что-нибудь, лакеи лишь хлопали заспанными глазами. Они ничего не слышали. Так как это были посвященные в низшие степени ордена крепостные люди членов капитула, то их и послали осмотреть ложу. Господа толпились за спинами слуг в дверях, робко заглядывая в храмину. Но там все выглядело обычно, все было на месте, все в порядке. Остался только слащавый запах. Ни Калиостро, ни Серафимы там не было. Князь Кориат, секретарь Елагина, лежал на ступенях помоста без чувств. Падая, он раскроил себе висок. Лужица крови вытекла из раны. Рука судорожно сжимала

орденскую цепь с крестом.

Бросились оказывать ему помощь. Подняли, вынесли из ложи и, уложив на диван, старались привести в чувство. Овеянный свежим воздухом, молодой человек наконец вздохнул, застонал и открыл глаза...

Князь Голицын отрядил свою карету за доктором светлейшего. Между тем спрашивали слугителей, выпускали ли они гостя и его супругу? Служители клятвенно заверили, что не видели их с тех пор, как проводили в зал... Никто — ни швейцар, ни сторожа в саду и в воротах ничего не могли сказать о том, куда делись визитер с визитершей.

Они приехали в наемной карете и вышли на улице у ворот, одетые в темные домино и в масках. Затем карета уехала. Сказав в воротах и на подъезде ложи тайное слово, визитеры прошли в дом, не снимая домино. Служители и не догадались, что одна из этих персон — женщина.

Эти домино, весьма ветхие и линялые, нашли брошенными в углу зала.

Как исчезли из ложи магик и его супруга, осталось неясным.

Глава XI. Послание Великого Кофта

Князь Кориат между тем пришел в себя. Ранка

на голове была ничтожна, и когда ее в ожидании врача промыли и перевязали полотенцем, князь поднялся, чувствуя лишь общую слабость, разбитость, головокружение. Он не мог сразу сообразить и припомнить, что с ним произошло. Но и остальные члены капитула чувствовали себя не лучше. Смущенные, они не знали, что и думать обо всем этом. Елагин казался совершенно растерянным и от крайнего недоверия к таинственному визитеру перешел к слепому благоговению перед сверхъестественными силами, которые тот показал.

Между тем врач светлейшего князя Потемкина, лечивший и племянниц его с семействами, в том числе и Варвару Васильевну прибыл наконец в капитул. Он был тоже свободный каменщик и, следовательно, таить от него что-либо не было необходимости.

Осмотрев рану Кориата, он смочил ее лекарством, но состояние пострадавшего признал совершенно благополучным. Жалкая растерянность, бледность членов капитула внушили ему большие опасения.

В ответ на его расспросы братья-масоны рассказали о чудесах, показанных графом Калиостро.

— Граф Калиостро! — изумился врач. — Как, сам Калиостро в Петербурге?

— Да, он живет здесь уже третий месяц и занимается лечением больных под именем Фридриха Гвальдо.

— Фридрих Гвальдо! Презренный шарлатан, чей злостный обман уже известен медицинскому факультету. Возможно ли, что это сам знаменитый Калиостро?

— Представленные им документы подтверждают это.

— Впрочем, и сам господин Калиостро, вероятно, из тех авантюристов и темных проходимцев, какими теперь полна Европа, — сказал врач.

— Т-с-с! — остановил его Елагин, опасливо озираясь. — Прошу вас не говорить так о муже, показавшем столь необыкновенное искусство!

— Некромант этот не может нас слышать. Чего же ваше превосходительство опасаетесь?

— Не может слышать! Но мы даже не знаем, где он сейчас находится!

— И я должен сказать, — прибавил Голицын, — что сам светлейший слышал о необыкновенных исцелениях, совершенных уже Фридрихом Гвальдо, и посылал за ним своего камердинера, чтобы позвать к нашему болящему младенцу!

— И шарлатан дерзко отказался прийти! Я слышал эту историю, князь, и должен выразить

недоумение, что светлейший при его уме и познаниях, пренебрегая настоящей медициной и учеными врачами, обращается к уличному врачевателю, не имеющему даже диплома доктора! — возмущился врач.

— Вы забываете, — вмешался граф Строганов, — что Гвальдо оказался совсем не Гвальдо, а Калиостро — масон высших степеней, обладающий тайнами столь непостижимыми, сколь и могущественными, что и доказал сегодня. Напротив, так называемые натуралисты не вникают глубоко в суть вещей и только во мраке блуждают.

— Медицинский факультет, к которому имею честь принадлежать... — начал было доктор.

Но его перебили и стали рассказывать, дополняя и поправляя друг друга, по порядку, что произошло в капитуле. В деталях, однако, показания очень различались, что вызывало споры. Доктор слушал очень внимательно.

— Ну, как же вы объясните все это вашей наукой? — заключил рассказ Строганов.

Доктор, не смущаясь, приступил к анализу явлений.

— Конечно, некромант прибег к курениям, чтобы опьянить и вызвать волнение в крови у присутствующих, что приводит к освобождению живущих в органах человека духов. Они и производят в мозговых корках фантомы.

— Да мы не в мозговых корках, а перед носом своим все видели ясно! — возразил Куракин.

— И чем вы объясните поднятие свечей в воздух?

— Не свечей! Только пламя поднималось!

— Я видел, что шандалы за рукой магика по воздуху ходили!

Доктор пространно начал объяснять поднятие пламени — извлечением флогистона из воздуха. Но это разъяснение было темнее самого явления.

— Но как вы растолкуете, что Калиостро на глазах наших супругу свою пронзил мечом в шею и всю кровь из раны собрал в сосуд...

— Я не видел сосуда. Он собирал кровь большой губкой, — сказал кто-то.

— И рана была нанесена не в шею, а между лопатками! — утверждал другой.

— Нет, он рассек женщине мечом грудь! Я видел, как трепетало сердце! — возражал третий.

— Это не важно! Мы все видели, что труп был брошен в гроб и закрыт крышкой!

— Да! Да! Совершенно ясно видели!

— А потом над крышкой поднялась тень убитой! Это, достопочтенные братья, все видели?

— Все! Все!

— Но ведь это доказывает, что женщина в самом деле была убита! Где же ее тело?

— И где сам Калиостро?

— Где оба?

— Но вы же осматривали ложу? — спросил врач.

— Осматривали тщательно и весь дом, сад и двор. Никого не найдено.

— Ну, а в гробу вы не смотрели?

— В гробу? Смотрели в гробу? Кажется, не смотрели! Да! В гробу не смотрели!

— Ну, вот видите, сколь поверхностным было ваше обследование! — сказал торжествующе врач.

— Мы сейчас посмотрим! — сказал Куракин. Члены капитула направились к дверям ложи, но вошли не сразу, а потоптались, пропустив вперед доктора, который сам вдруг занервничал и побледнел. Занавесы на окнах были подняты. Утренний свет уничтожил всю таинственность. Тем не менее члены капитула нерешительно ходили вокруг прикрытого покровом гроба, переговаривались и все не решались коснуться. Решили было уже позвать служителей, когда в ложу смело вошел юный князь Кориат с повязкой на голове. Решительно приблизился к гробу, сдернул покров и, взяв крышку, приподнял ее.

Члены капитула с трепетом заглянули внутрь: гроб был пуст.

Князь Кориат, казалось, не верил своим глазам. Вдруг он отшвырнул крышку, схватился руками за голову и выбежал из ложи.

Доктор приблизился к гробу и тщательно осмотрел его, отыскивая следы крови. Но ничего такого не нашел. Только на дне оказалась какая-то исписанная бумага. Все удивились. По ритуалу гроб стоял совершенно пустой. Елагин осмелился протянуть руку и извлек листок.

«Великому наместному мастеру и всему капитулу...» — прочел он французский текст.

— Это какое-то послание нам! — сказал взволнованный Елагин. — От кого бы это?

— Позвольте, ваше превосходительство, я прочту! — сказал князь Гагарин.

— Нет, князь, послание адресовано мне, так я и прочту!

«Честь, мудрость, единение! Благотворительность, благоденствие! Мы, Великий Кофт во всех восточных и западных частях земли, основатель и гроссмейстер египетского масонства, облекли властью и назначили для блага человечества, для осияния светом стран севера исполненного силы и мудрости мужа, полномочного посланника нашего графа де Калиостро, который явился к вам, братья, и к наместному великому мастеру вашей провинции, представил патенты и сертификаты, и письма, и знаки, и слова, возвещая о предстоящем прорыве из мрака и тьмы к лучезарному свету. Вы же приняли избранного мужа не по-братски и не проявили

должного уважения к великому сану, нами на него возложенному, позволили о нем оскорбительные суждения и легкомысленно захотели испытать его силы, дарования, могущество и власть. Он совершил деяния, изумившие вас (но это лишь ничтожная пылинка его мудрости), а затем укрылся в убежище, откуда видит вас, а вы его нет; слышит, а вы этого не можете; касается вас, вы же его не коснетесь.

Из этого убежища он известил нас, Великого Кофта, о бессмысленном вашем поведении. И мы протянули руку и положили это послание в смертную урну. Читайте, капитул и мастер, читайте! Узнайте, что вы потеряли бесчисленное сокровище, бесценный клад — золота, перлов, драгоценных камней, — бывшее совсем рядом: сами отказались от великого откровения.

А теперь слушайте, капитул и мастер! Вы не увидите этого мужа, пока не раскаетесь чистосердечно и не попросите нас, Великого Кофта, о прощении!

И еще слушай, наместный мастер восьмой провинции, за дерзкие слова в адрес нашего посла ты скоро будешь наказан! Слушай ты, отец больного младенца, только наш посол в силах исцелить его! И слушай ты, называющий себя врачом, Великому Кофту известно, что совершено тобою в левом павильоне, в голубой комнате в

полночь, при трех яблоках и ананасе! Бойся обличения, невежда, именующий себя врачом! Дано на Востоке всех Востоков, в Медине, Мемфисе и Иерусалиме, при гробах Магомета, Хирама и Христа!»

Внизу стояла странная печать, разделенная на четыре части крестом. В каждой части были мистические изображения: змея, пронзенная стрелой; павлин с жезлом; ягненок с крестом; еврейская буква «алеф».

Глава XII. В столовой ложе

Если послание Великого Кофта, по мнению писавшего, должно было окончательно убедить капитул в могуществе Калиостро, то это было ошибочное предположение. Прежде всего слушателей, превосходно владевших французским языком, поразили синтаксические ошибки послания, а Елагина, его читавшего, и орфографические. Потом всех возмутил напыщенный и оскорбительный тон, и особенно обращение во втором лице к Елагину и Голицыну. Впечатление, произведенное опытами некромантики, было испорчено.

— Шарлатанство! — решительно сказал Куракин.

— И кто сей Кофт, пишущий одновременно из

Медины, Мемфиса и Иерусалима? — спросил Строганов.

— Но как очутилось послание в гробу? — заинтересовался Гагарин.

— Он сам его написал предварительно и, пользуясь темнотой и общим смятением, сунул в гроб, — решительно заявил Елагин. — Я узнаю его харчевенный слог. И опять прихожу к заключению, что он из поваров, как мои рыцари Розе-Круа! В высшей степени нагло играть с нами такие шулки и потом еще обращаться так дерзко ко мне, великому наместнику, мастеру, статс-секретарю, сенатору и кавалеру!

— Тон письма действительно и шарлатанский и дерзкий. К тому же оно и безграмотное, — решил Строганов.

— Виданное ли дело, что мы стали жертвой ловкого искусника, фокусника и авантюриста, и во всех его чудесах одна ловкость рук, магия, для отвода глаз и только, — возмущался Елагин.

— Что значит утверждение, будто Калиостро сейчас в таком странном месте обретается, что нас он видит, слышит и осязать может, а мы его — нет?

— Если так, то пусть он слышит, что я его наглецом и шарлатаном именую, и видит, что язык ему показываю! — сказал Елагин и действительно показал язык.

— Но он грозил вашему превосходительству

какими-то бедами, — заметил Гагарин.

— Шарлатанство и заговор с прислугой! Очевидный заговор с прислугой, — говорил Иван Перфильевич.

В основе своего характера он был большой вольтерианец и склонен к цинизму, хотя и увлекался мистикой. Но, как отдых, после всего нужен ему был скептицизм и даже легкое насмешливое кощунство. В столовых ложах после важного заседания, за кубком, Елагин весьма часто подтрунивал над тем, что занимало его полчаса назад. Настроение это передалось и прочим братьям капитула, уже потому, что напряженные нервы требовали реакции; а трезвая действительность весеннего утра, яркий солнечный свет, щебет птиц в саду, свежий ветерок, плывший в открытые окна и обвевавший разгоряченные головы, — все способствовало отрезвлению. Теперь обман Калиостро стал для всех очевидным. Вспомнили, что он заливал свечи кровью, выцеженной из красавицы. Между тем на них не оказалось никаких следов. Но если не было крови, то не было и убийства!

— Конечно, не было! В противном случае нужно было бы известить полицию и задержать его! — сказал Куракин.

— Это в любом случае было бы хорошо. Полагаю, что нет такого тайного места, где бы

Калиостро смог от недремлющего ока господина Шешковского укрыться! Хе-хе-хе! — смеялся Елагин.

— Да, некромантика господина Шешковского превзойдет всех магов Европы! Ха-ха-ха! — смеялся Строганов.

— Но обратите внимание, сколь смущен и молчалив наш доктор! — шутил Елагин.

Домашний врач светлейшего, столь смело утверждавший, что Калиостро не более как шарлатан, теперь был сконфужен.

— Надо полагать, господин Калиостро действительно о нем кое-что знает! — продолжал наместный мастер, разворачивая послание Великого Кофта.

— Признайтесь, доктор, что же вы сделали в левом павильоне, в голубой комнате, в полночь при трех яблоках и ананасе? При чем тут ананас?

— Я не понимаю... Тут какая-то сплетня... Я не понимаю... — бормотал смущенный доктор.

— Вся эта передряга, достопочтенные братья, наилучшим образом подтверждает мою правоту, — говорил Елагин. — Остерегаться нам надо пришельцев, какими бы великими титулами и степенями они ни обладали. Теперь же, чтобы окончательно встряхнуться, прошу пожаловать в столовую ложу. Ужин стоит нетронутый и будет ранним завтраком. Надо подкрепить силы добрым

стаканом вина и устрицами. Приятная легкая шутка и дружно пропетый гимн освежат наши мозговые корки, как выражается милейший доктор, «фантомами некромантики закопченные». Идемте! Эй, люди! Мне еще нужно сегодня с театральными объясняться и особенно с несносным Паэзиелло, который, вопреки контракту, не хочет оперу ставить!

— Удивляюсь вашему терпению с театральными людьми и людишками, — сказал Строганов, — в особенности с актрисами и певицами, которые столь же взыскательны и капризны, сколь прелестны. Я предпочитаю иметь дело с красотой писанной и изваянной! Если бы вы видели, Иван Перфильевич, какого Доминикино привез маркиз Маруцци!

Строганов говорил об агенте государыни, покупавшем картины для Эрмитажа.

— Да, вы избрали благую долю, граф Александр Сергеевич! Мне государыня посулила кончину от повреждения барабанной перепонки, вызванного театральными звуками! Поверите ли, граф, нет ни минуты покоя! На них ничем не угодишь. Какие пьесы ни ставь, какие ни давай роли — претензий не оберешься. А за неудачный спектакль отвечает директор! Воля государыни для меня священна. Но театральный люд не только барабанную перепонку может порвать, от них и

грыжу зарабатываешь. Быть обласканными — их заветная мечта. Даже удивляюсь, что связывает меня с этой беспокойной и развратной командой.

— О, мы знаем, что, знаем! — лукаво подмигивая, говорил князь Мещерский. — Прелести Габриэлли достойны утонченнейшего вкуса.

Разговаривая так, братья-масоны сняли свои фартуки, ленты, мантии, шпаги и другие принадлежности и спустились на второй этаж, где размещалась столовая — светлый прекрасный зал в античном стиле. Стол ломился от ваз, серебра, фарфора, за каждым креслом стоял слуга. Окна в цветущий сад были открыты. Члены капитула сели на свои обычные места. Елагин — во главе стола.

Произнося шутливые речи, проголодавшиеся вольные каменщики исправно поглощали пищу и столь же исправно утоляли жажду из вместительных кубков. Ранний завтрак превращался в добрый обед. От еды и возлияний лица зарделись.

Наконец появился дворецкий и на серебряных тарелочках поднес два конверта. Один — Елагину, другой — князю Голицыну.

Елагин вскрыл конверт и нашел в нем записку от певицы Габриэлли. Она писала из его дома и сообщала, что уже добрый час ждет свидания с ним. В самом деле, за приятным пиршеством время

прошло незаметно, и солнце уже высоко поднялось над старыми липами сада.

— Ага, достопочтеннейший мастер получил взбучку! — заглянув в записку, сказал Мещерский.

Иван Перфильевич, чувствуя себя удивительно молодым и бодрым, самодовольно улыбнулся, предчувствуя удовольствие от утреннего свидания с прекрасной певицей.

— Анакреонт! Анакреонт! — подтрунивал Мещерский.

— Да, пока зловещие угрозы Великого Кофта не исполняются! Афродита, столь же к нам благосклонна, сколь и Дионис.

— Так поспешите же на свидание с прелестной, столь нетерпеливо вас ожидающей!

В это время Голицын, открыв свою записку, всплеснул руками.

— Боже мой! Светлейший пишет, что наше дитя умирает! Судороги! Княгиня в отчаянии! Доктор! Скорее едем! Ах, какое несчастье! Проклятый Кофт! Проклятый Калиостро! Это они накликали, бесовские вещуны!

И князь бросился вон из столовой ложки.

За ним все встали, опечаленные столь внезапным окончанием дружеской беседы и сочувствуя семейному горю Потемкина, Голицына и Улыбочки.

Глава XIII. Указ против «кожесдирателей»

Выходя из столовой, Иван Перфильевич хватился своего молодого секретаря, князя Кориата, которому предстояло доложить ему о нескольких бумагах из скопившихся в портфеле, как театральных, так и сенаторских. Кроме того, Елагин смутно помнил, что государыня повелела ему сочинить черновую какого-то указа и подать ей для одобрения. Но о чем, хоть убей, припомнить не мог.

— Где же милейший мой Кориат? Куда это он скрылся? — спрашивал Иван Перфильевич, спускаясь в просторный вестибюль масонского дома.

— Кажется, молодой человек сильно огорчился, не найдя в саркофаге прекрасной супруги Калиостро! — заметил с улыбкой князь Мещерский.

— Да-да! Мой милый секретарь сокрушается этим обстоятельством и не мог перенести того, что прекрасная в воздухе без остатка растворилась! Хе-хе-хе! — шутил Елагин.

— Надо думать, не без остатка. И правда, жаль, если бы мы лишились такой красавицы. Формы ее как у Афродиты, плечи — Цереры, бедра — Амфитриты, а ноги — Помоны! — говоря это, Мещерский делал руками округлые жесты, как бы

осязая таинственную супругу Калиостро.

— Будем надеяться, что господин Калиостро свою супругу не совсем обескровил, — сказал главный директор. — Мы еще увидим эту красавицу.

— Можно сказать, что она полносочна, как спелое золотое яблоко из садов Геспериды, — причмокивая, распространялся Мещерский.

— Секретарь мой от прелестей Калиострихи сильно растрепан! Но думаю, если и не нашел ее в гробу, то с помощью полновесных червончиков легко на ложе неги обретет. Все иностранки этим промышляют!

Через минуту общество разъехалось.

Елагин чувствовал себя прекрасно. Он окончательно убедился, что Калиостро лишь ловкий фокусник, шарлатан и авантюрист. Находясь в состоянии легкого приятного опьянения, несмотря на бессонную, полную волнений ночь, Иван Перфильевич был на редкость бодр и беспечен. Глухие приступы подагры, беспокоившие его в начале заседания капитула, теперь исчезли. Порою им овладевала приятная дремота. Время от времени просыпаясь, он мечтал о свидании с певицей. Когда карета остановилась и лакей открыл дверцу, Иван Перфильевич выпорхнул из нее легкой птичкой.

Как сообщил старый камердинер Елагина,

Габриэлли действительно ждала его и очень сердилась. Иван Перфильевич поинтересовался своим секретарем. Оказалось, что князь Кориат давно ожидает его прибытия в кабинете с бумагами наготове.

— Еще доложить имею вашему превосходительству, что от государыни пакет прибыл! — сказал камердинер.

— Ах, Боже мой! Верно, насчет указа! Или опять этот несносный Паэзиелло наябедничал!

Елагин поспешил в кабинет. Его почтительно встретил секретарь. Никаких следов ночных волнений в нем не было заметно. Он подал пакет от государыни.

«Иван Перфильевич,

— писала Екатерина,

— тебе подобного ленивца на свете нет. Никто столько порученных ему дел не волочит, как ты! Где указ против «кожесдирателей», то есть, ростовщиков, который вам составить поскорее велела?

Впрочем, благосклонная к вам
Екатерина».

— Указ против «кожесдирателей»! Боже мой! Совсем из головы выскочило! — воскликнул в

крайнем смущении Иван Перфильевич.

Государыню беспокоило чрезвычайное развитие в столице ростовщичьего промысла. Екатерина решила издать против ростовщиков строгий указ для обуздания их жадности и поручила написать его Елагину. Но за множеством театральных, масонских, амурных и столовых дел Иван Перфильевич о приказании государыне забыл совершенно.

— Указ давно готов! — доложил князь Кориат. — Но ваше превосходительство не нашли времени просмотреть бумаги.

— Хорошо, любезный князь, я знаю ваше мастерское перо! Положите указ в мой малахитовый портфель, и я сейчас отвезу его государыне! Кто в приемной? Много?

— Очень много. Как насчет дел в сенате, так и по театральной дирекции. Поставщики со счетами. За изготовление париков...

— Хорошо! Хорошо! Скажи им, что сегодня приема не будет, не будет!

— Осмелюсь доложить, многие уже в четвертый раз являются с крайними нуждами!

— Не могу, милый князь! Я должен сейчас же ехать во дворец. Государыня гневается. А просителям скажи что-нибудь... Успокой их! Ты умеешь... А я сейчас...

Появился камердинер и тайно доложил,

что госпожа Габриэлли очень волнуется.

— Ах, Боже мой! Где она? В кабинете? — всполошился Иван Перфильевич.

— Так точно, в кабинете, ваше превосходительство. Елагин несколько раз повернулся перед зеркалом, отразившим приземистую, коротенькую фигурку старика, с длинными не по росту руками, острым брюхом, в поношенном, вышедшего из моды цвета, кафтане со звездой. Оправив жабо и парик, Иван Перфильевич горошком покатился в таинственный кабинет, где ожидала его итальянская певица. Приятная мысль о свидании с красавицей омрачалась, однако, недобрым предчувствием. Он хорошо гнал неукротимый, пылкий и взрывной южный характер Габриэлли.

Глава XIV. Злополучный танец

Кабинет был довольно просторный, устланный ковром, с мягкой мебелью, диванами, камином, фарфоровыми статуэтками, изящными ширмами, безделушками и скорее походил на интимную гостиную модницы, чем на комнату сенатора и статс-секретаря.

Иван Перфильевич застал Габриэлли сидящей на софе и нетерпеливо постукивающей ногой по коврику. Очи и щеки итальянки пылали. Пальцы

комкали кружевной платок. Одета она была чрезвычайно ярко и роскошно, в тюрбане с перьями, осыпана брильянтами. Высоко вздымающаяся, мощная грудь певицы готова была вырваться из-под кисеи.

Даже к самой императрице не входил Иван Перфильевич с таким страхом и почтительностью, с какими приближался к певице. Он весь расцвел и, сладко улыбаясь, склонив голову на бок, завилял полами кафтана, словно провинившийся пес хвостом.

— Прелестна, как весеннее утро, росой опрысканное! Очаровательна, как ароматный куст розы, распустившей бутоны навстречу солнечным лучам!

Говоря комплименты по-французски, Иван Перфильевич взял руку красавицы и попытался ее поцеловать. Но та, поднявшись во весь рост, вырвала ее, уперла в бедро, а другой стала энергично размахивать перед самым лицом главного директора спектаклей и зрелищ, статс-секретаря, сенатора и великого наместного мастера восьмой провинции. В то же время Габриэлли стала во все горло кричать, мешая французские слова с итальянскими проклятиями:

— Так вот как вы со мной поступаете! Я жду здесь два часа! Посылаю к вам известить, что я здесь, а вас все нет! Чудовище! Варвар! Где вы

были? Отвечайте мне сейчас же, где вы были?

— Очаровательная, простите, что заставил вас столько времени ждать, — сказал Иван Перфильевич умоляюще, — видит Небо, я был занят крайне важными делами, крайне важными!

— Этот запах, — вскричала певица, раздувая ноздри орлиного носа и втягивая воздух, — этот запах отлично объясняет мне, какими вы делами занимались! Вы пили вино! Вы забавлялись! Вы всю ночь забавлялись! С кем? Я вас спрашиваю, с кем вы пили и забавлялись?

— Но ничего подобного! Вы совершенно ошибаетесь. Я только что вернулся с важного заседания друзей человечества и благотворения, продолжавшегося всю ночь. Мы собираемся...

— Я знаю, что вы собираетесь, и кто, и где. Но почему же от вас так вином пахнет? Вы пили. Вы кутили. С кем?

Вопрос был поставлен прямо и столь грозно, что Иван Перфильевич невольно закрыл руками лицо.

— С моими друзьями, прелестная, с достопочтенными каменщиками, упражняющимися в отесывании грубых, диких камней для основания будущего храма всеобщего человеческого благополучия, — проговорил он, заикаясь, тут же ставя между собой и певицей кресло.

— Вы пили с каменщиками? Вы отесывали

что-то вместе с ними?! О, неотесанный, северный варвар! О, низкий лжец! Я все знаю. Посмеете ли вы отрицать, что эта новая, эта Серафима, называющая себя графиней Санта-Кроче, не была с вами в эту ночь? Вы с ней пили? Она просила вас принять ее в придворную труппу! И вы, конечно, не могли ей отказать. Вы передадите ей мои роли! Вы влюблены уже в нее, сладострастный старик!

— Ревность! Теперь понимаю, — не без самодовольства, несмотря на свое опасное положение, подобное положению скифа на римской арене нос к носу с львицей из жгучих ливийских пустынь, сказал Елагин. — Но вы напрасно, прелестная, назвали меня стариком: мудрый хранит в себе дух юности. К тому же мы, посвященные, обладаем тайной восстановления вещества и обновления суставов тела. Сейчас, например, я себя таким легким ощущаю, как никогда.

— Вы не отвечаете. Но я знаю все. Моя карлица познакомилась с этой Серафимой. И ее муж был у меня. Но не думала, что это такие ловкие пройдохи. Я отлично знаю, что вы их пригласили на ночное заседание капитула. Знаю, что Серафимка вернулась только на заре.

— А, так она вернулась!.. — не удержал радостного восклицания Елагин, успокоенный, что женоубийство в ложе было только фокусом и супруга Калиостро цела и невредима.

Но это окончательно вывело из себя певицу. Лицо ее стало маской античной Горгоны. Черные кудри разметались, как змеи. Казалось, она и ногтями и зубами вцепится в растерянного директора зрелищ. Голос стал таким пронзительным, что Елагин стал опасаться, что не только секретарь, но даже просители в отдаленной приемной услышат его.

— Вы, верно, хотели бы с ней никогда не расставаться. Влюбились в нее, как обезьяна! Вы вместе угощались! Вы уже условились с ней! Я знаю, знаю. Она хочет петь и играть в опере. Пусть она поет дурно! Пусть голос ее ничтожный! Карлица мне говорила. Она слышала ее свинячий визг. Но что из того? Вы способны на все. Любая новая развратная баба веревки может из вас вить! Ах, я не вынесу этого! Я умираю! Я задыхаюсь! Не могу! Не могу! Ах!

Габриэлли схватила за сердце и упала на софу почти в судорогах.

— Успокойтесь, божественная! Успокойтесь, прелестная! — умолял Елагин. — Ничего подобного. Клянусь вам! Она на сцену и не просилась. Мы и голоса ее не слышали. Она только участвовала в фокусах, показанных ее мужем, который оказался известным шарлатаном, во всей Европе прославленным под именем Калиостро.

Имя это произвело волшебное действие на

Габриэлли. Она мгновенно утихла и поднялась.

— Калиостро, говорите вы? Так это сам Калиостро! — с благоговейным страхом сказала певица.

— Да! Да! Калиостро! Несомненный шарлатан и авантюрист, — радуясь перемене настроения итальянки, припадки неистовой ярости которой были хорошо знакомы не только ему, но и всей труппе и нередко вели к самым плачевным последствиям. — Успокойтесь. Все опасения ваши совершенно безосновательны. После фокусов Калиостро с супругой таинственно исчезли. Полагаю, подговорили слуг. Ничего, мой камердинер проведет расследование, и мы все узнаем. За ужином, точнее за ранним завтраком, женщины не присутствовали. Успокойтесь, прелестная!

Иван Перфильевич преклонил колено перед сидевшей на софе красавицей.

— Божественная, поверьте в правдивость моих слов. Я сейчас еду во дворец и, между прочим, возобновляемый с вами контракт везу к окончательному утверждению государыней.

— Нет, мне мало ваших уверений. Тем более, что она жена Калиостро, который все может!

— Все может? Ну, он едва ли все может. А в российских пределах, думаю, совсем ничего, кроме вранья и фокусов.

— О, это сильный человек! Я знаю, — сказала певица. — Но вам на слово не поверю. Вы поклянитесь.

Она достала медальон, висевший на ее груди, поцеловала и протянула директору.

— Здесь святая гостья! Прикоснитесь и поклянитесь, что не возьмете на сцену Калиостершу.

Делать было нечего. Иван Перфильевич поклялся на католической святыне, что не возьмет на сцену «Эрмитажа» Калиостершу.

— Моя карлица видела ее днем, дома, — говорила певица, успокаиваясь. — Она уже не первой молодости и сильно отцвела, помята и потрепана. Ведь муж возил ее повсюду с собой. И она совсем не графиня, а была трактирной служанкой в Риме. Ее настоящее имя — Лоренца, да, Лоренца Феличиани. Моя карлица все узнала.

— А настоящее имя графа Калиостро?

— Этого я не знаю.

— Итак, вы поверили, успокоились! Боже мой, кто может в вашем присутствии думать хотя бы о самой Венере. Ну, дайте вашу ручку, восхитительное существо!

Габриэлли протянула руку, благоухавшую мускусом, грубая ладонь которой свидетельствовала о домашних трудах. Восхищенный директор покрыв ее поцелуями и

присел рядом.

— Божественная! Один поцелуй! — шептал влюбленный старик. — Я себя чувствую, словно выпил эликсир молодости. Где твои угрозы, господин Великий Кофт! Хе-хе-хе!

Иван Перфильевич попытался обнять мощный стан знаменитой певицы. Бурные проявления южного темперамента как бы наэлектризовывали поклонника. Хотя нередко в него летели башмаки и различные хрупкие предметы, а порой и на щеках отпечатывалась мужественная десница итальянки, бывало, и ее крепкие ногти.

Медленно утихая, как вулкан, певица отстранилась от директора спектаклей.

— Вы сказали, что везете мой новый контракт императрице? — строго спросила она.

— Видите ли, прелестная, он, собственно, не совсем новый. Вы получите дополнительно всю сумму, которую хотите в виде сверхконтрактных пособий. Итак, хотя контракт старый...

— Как старый! — мгновенно воспламеняясь, вскричала певица. — Что это значит — старый контракт?

— Я ручаюсь, что вы все получите. Театральные деньги в моих руках. Кроме того, единовременное безвозвратное пособие в тысячу червонцев...

— Но Безбородко обещал Давии пять-десять

тысяч червонцев! Я требую, чтобы со мной был заключен новый контракт! — кричала певица, почти столкнув с софы директора.

— Государыне императрице не угодно было его утвердить, но повелеть изволили возобновить контракт в прежнем виде. Что же я мог поделать? Воля монархини священна, — разводя руками, говорил Иван Перфильевич.

— Но ваша императрица, кажется, достаточно богата! — раздувая ноздри орлиного носа, нервно хохоча, говорила Габриэлли.

— Государыня ответили, что такое жалование у нее фельдмаршалы получают.

Габриэлли решительно поднялась.

— Сейчас же принесите мне контракт, и я разорву его в клочья. Я не останусь и трех дней в России. Можете, если хотите, взять примадонной Лоренцу Калиостро. Не желаю больше служить в вашем балагане, не желаю дышать воздухом вашей грязной, варварской страны! Давайте контракт! Давайте сейчас же контракт! И кланяйтесь вашей императрице!

— Божественная, ради всех святых! — взмолился Елагин. — Успокойтесь! Говорю же, вы получите больше!

— Ничего не хочу. Отдайте мой контракт! Со мной здесь поступают, как с ничтожной фигуранткой. Все монархи Европы наперебой

добиваются чести, чтобы я пела на их придворных сценах. Я видела у ног своих принцев крови, я — дочь повара и жидовки.

— Умоляю вас, очаровательная, несравненная, не принимайте сгоряча столь необдуманного решения. Вы гордость и украшение «Эрмитажа»! Вы императрица нашей сцены! Что значат контракты в России? У нас даже и законы ничего не значат. Написано и утверждено одно, а на самом-то деле бывает совсем другое! На коленях вас умоляю, не настаивайте, подпишите старый контракт и оставайтесь в России!

— Хорошо, я останусь. Вы просите — останусь и подпишу контракт. Но с одним условием! Протанцуйте сейчас передо мной, и тогда я на все согласна.

— Но, прелестная, что это вам вздумалось? — изумился Елагин. — Как же это я вдруг буду танцевать? И зачем это вам надо? Вы шутите.

— Нисколько, — хладнокровно сказала певица. — Или вы протанцуете, или я отказываюсь возобновить контракт и уезжаю из России.

— Но... я давно не танцевал и все позабыл. К тому же меня могут увидеть...

— Вас никто не может увидеть, кроме меня. Протанцуйте, не упрячьтесь.

— Но это странно! Прилично ли в моем возрасте, в звании статс-секретаря и сенатора

танцевать, подобно юному пажу!

— Если так... прощайте! — итальянка решительно направилась к двери.

— Пойдите! Пойдите! — кинулся за ней Елагин. — Ну, хорошо! Если вы требуете, протанцую. Но как же без музыки?

— О, я буду бить такт в ладоши! — Итальянка вдруг улыбнулась, обнажив блестящие зубы, и, сверкнув задорно очами, принялась подщелкивать пальцами.

— Эх-ма! Была — не была! — по-русски крикнул старик. — Да что вы думаете, — продолжал он по-французски, — я не сумею протанцевать? Да я всякого молодчика обгоню!

Выпитое за завтраком вино вместе с опьяняющей близостью огненной итальянки ударило старику в голову. Дух мальчишества, циничной насмешливости овладел им. Ему в самом деле захотелось щегольнуть молодечеством и легкостью перед красавицей.

— Вот как танцуют! Раз! Два! Три! Вот как это танцуют! Ну, господин Великий Кофт, где ваши угрозы? Раз! Два! Три!

Но вдруг, исполняя особенно трудный пируэт, поскользнулся, стопа его подвернулась, и он грузно шлепнулся на пол.

— Ах, мой милый, бедный старичок! — устремляясь к Ивану Перфильевичу, воскликнула

Габриэлли. — Не ушиблись ли вы? Пойдите, я помогу вам встать и полечу вашу бедную ножку!

— Ничего! Ничего! Совсем не больно! Я сам! — пролепетал старик.

Но едва он попытался подняться, как нестерпимая боль в ноге исторгла жалобный стон из его уст.

— Боже мой! Какое несчастье! Что я наделала!? Вы вывихнули ногу! — кричала Габриэлли.

— Бога ради, тише... И никому не говорите, как я повредил ногу... О-о-о! Какая адская боль! — стонал старик. — Дайте вашу ручку, а другой обнимите меня и приподнимите... О-о-о! Великий Кофт, помилуй меня!

О-о-о!

Мощная итальянка легко приподняла его с пола и уложила на софу.

— О-о-о! Благодарю вас, очаровательная!.. Великий Кофт, возри милостиво на меня!.. Не делайте шума, прелестная! Позовите тихонько моего камердинера и князя Кориата. Скажите, что у меня обыкновенный приступ подагры... О-о-о! Великий Кофт, помилуй меня!..